

18+

ЭДУАРД ЕЛАСОВ

ЗАЙДИ КО МНЕ,
КОГДА УСНЕШЬ

Эдуард Еласов

Зайди ко мне, когда уснёшь

«Издательские решения»

Еласов Э.

Зайди ко мне, когда уснёшь / Э. Еласов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749566-4

Леонид Скобелев — талантливый мастер кисти. Неудивительно, что он воспринимает окружающий мир не так, как обычные люди. Его вселенная прекрасна! Но её разрушает страсть к алкоголю... Однажды, когда казалось, что всё уже потеряно, Леонид встретил Время и пил с ним чай, гостил у Судьбы и спорил с ней. Время рассказывало ему истории, Судьба читала книгу, а Сон показывал фильмы... Но какое ему дело до них, если он влюбился в Неё? В ту единственную, за которую не жалко отдать жизнь.

ISBN 978-5-44-749566-4

© Еласов Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Воспоминания постороннего человека	6
Глава 2. Не ездите быстро	8
Глава 3. Приличные люди не ходят через окно	14
Глава 4. Хрустальная гора	19
Глава 5. Волки в голове	25
Глава 6. Не пей около аптеки	35
Глава 7. Часовщик	41
Глава 8. Хельга	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Зайди ко мне, когда уснёшь

Эдуард Еласов

*Прощай!
Из слов, каких не счесть,
Успею лишь сказать одно,
Прощай!
У Смерти время есть,
У Времени нет никого.
Прощай!*

Корректор Элла Владимировна Нестерик
Иллюстратор Галина Кондрашова

© Эдуард Еласов, 2020
© Галина Кондрашова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-9566-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Воспоминания постороннего человека

Когда-то очень давно, мама водила меня в детский сад. Почти каждый день мы проходили мимо небольшого строения без окон с железными дверями, на которых был изображён череп с молнией. Станный шум, похожий на гул, доносящийся оттуда, постоянно привлекал моё внимание и однажды, не выдержав, я поинтересовался:

– Мама, это чей домик?

– Там живёт Электричество. К нему нельзя входить, потому что оно может убить.

Откуда ребёнку было знать, что за такое сказочное существо живёт в этом странном доме, но воображение делало своё дело. Я живо представил некоего высокого, худого дядьку с черепом, оскалившимся в злой улыбке, точь-в-точь как изображено на его жилище. Одиноким всеми покинутый человек, необщительный затворник. Он днями напролёт, закрывшись в своём убежище, колдовал над механизмом, который и издавал этот ужасный гул.

Помню, была поздняя осень. В тот выходной мы пошли в зоопарк. Весь день бродили среди вольеров с животными, я ел мороженое и внимательно слушал маму, которая читала вслух описание зверей на табличках, прикрепленных к каждой клетке. Их места обитания, их повадки. Надо сказать, новые познания производили на меня впечатления.

Сразу после зоопарка мы направились к маминой сестре. Она жила недалеко. Тихий центр. Старый дом. Тётя встретила нас очень приветливо. Во время чаепития она стала расспрашивать меня про животных, которых видели. Я эмоционально принялся рассказывать про слонов и львов, но тётя, недослушав, вручила коробку с карандашами, листы бумаги и сказала:

– Нарисуй, малыш, всех кого видел...

А сама уединилась на кухне с мамой, где обе во всю дали волю своим женским разговорам. Оттуда то и дело доносились эмоциональные возгласы и смех. Время от времени они заходили в комнату, хвалили меня за рисунки, которые даже не разглядывали, спрашивали, что нужно, и уходили вновь. Стало скучно. У шкафа лежал большой синий мяч, я взял его и подбросил. Странное дело, он упал, ударился о пол, но не отскочил, а просто замер словно прилип к линолеуму. Я смотрел на него, не отрывая глаз. В моём неокрепшем осознании мира, что-то пошло не так. Мне были незнакомы законы физики, но то, что они дали сбой, было очевидно.

Звук ударяющегося мяча дошёл до моих ушей с опозданием и так неожиданно, что я вздрогнул. Вслед за ним замерший мяч отскочил от пола, как ни в чём не бывало! И ещё я понял – что-то случилось со временем.

– Батюшки! Что же мы так засиделись?! – воскликнула на кухне мама, – У тебя часы правильно показывают?

– Конечно! – отозвалась тётя, – Время летит, не уследишь. Заболтались мы с тобой, подруга...

– Ребёнку давно уже пора спать, – заохала мама, влетела в комнату и стала быстро собирать меня.

– Может, останьтесь? – зашла следом тётя, – Места всем хватит.

– Нет, нет, третий маршрут ходит допоздна.

«Как здорово, – подумал я, – никогда не гулял так поздно!»

Кое-как собравшись, мы вылетели на улицу и помчались к ближайшей остановке. Бег по ледяному тротуару – то ещё занятие. Мы едва держались на ногах. Мама тянула меня за руку и всё время причитала, как она могла так забыться и просмотреть столь поздний час. Я же, молча задрал голову, пялился на красивые огни, проносящиеся над головой.

Остановка была рядом. Мы встали под козырёк, в ожидании автобуса. Внезапный звон разбитого стекла заставил нас оглядеться. Напротив, через дорогу, там, где стояло здание, утопающее в ярких огнях, бегал мужчина в ночной пижаме с безумным взглядом. С невероятным

азартом он методично перемещался от одного окна к другому, и крушил палкой стёкла. Через какое-то время из здания высыпала толпа солидно одетых мужчин, которые незамедлительно бросились к странному человеку.

Необычное поведение взрослых разбудило во мне сильнейшее любопытство, но мама решительно перегородила обзор, чем сильно расстроила меня. Всячески пытаюсь изворачиваться, я лишь умудрился заметить, что мужчина не убежал, и его поглотила набежавшая толпа.

– Мам, что это?

– Белая горячка, – тревожно прокомментировала она и прижала меня к своему пальто, всячески стараясь теперь закрыть и уши.

– А кто это, Белая Горячка?

Мама не ответила, а я, обездвиженный, почти слепой и глухой пытался представить, кто же это такая. И вот в моём детском воображении, где жили всякие эльфы, тролли, баба-ёжки, волшебники и бармалеи, где уже даже было Электричество, незаметно присоединился ещё один персонаж – женщина во всём белом, Белая Горячка.

И тут подошёл автобус. Мама с облегчением затащила меня в него, но не успела поймать, как я шмыгнул на сиденье поближе к окну, где прижался лбом к холодному стеклу, пытаюсь разглядеть продолжение развернувшийся драмы.

– Я вижу её!

– Кого? – вполоборота спросила мама, расплачивалась за проезд.

– Белую Горячку!

Лицо кондукторши вытянулось. Она укоризненно посмотрела в нашу сторону:

– Ну вы, мамаша, даёте... Где дети, только таких фраз хватают?

Мама одёрнула меня и сердито сказала:

– Никого ты не видишь. Хватит фантазировать!

«Странно, – подумал я, – как это не вижу, когда вижу?!»

Действительно там, на улице, где собралась толпа, стояла женщина в белой одежде. Красивая и печальная, она словно плыла над землёй. Такой я её и запомнил. Кто были те люди, и что случилось с ними дальше, я никогда не узнаю. Но ту женщину мне пришлось увидеть ещё раз. Уже в глубокой старости. И звали её по-другому.

Глава 2. Не ездите быстро

Погода стояла отличная. Лёгкий морозец, сковавший лужи, а с ними и грязь, давал надежду на относительную чистоту дорог, дворов, улиц, самого города.

– Реагентами не успели ещё обрызгать, – задумчиво сказала девушка, устроившаяся в пассажирском кресле автомобиля, который двигался по полупустым улицам, ища выход на окраину города.

– Меньше грязи... Я только недавно вымыл машину, – ответил водитель, не отрывая взгляда от сгущающихся сумерек за лобовым стеклом. Это был парень лет двадцати пяти, коренастый, среднего роста, целеустремлённый взгляд, которого выдавал в нём незаурядного человека с лидерскими качествами. Манера вождения автомобиля подтверждала это, руки крепко держали руль, перестроения и манёвры на дороге выполнял чётко и уверенно, как будто, ведомый невидимой нитью, вкладывал машину в нужное направление. Его попутчица, девушка худощавенькая, куталась в огромный вязаный шарф и постоянно ёжилась, видимо, никак не находя возможности согреться. Большие голубые глаза смотрели на парня с такой нежностью и доверием, что не оставляло никаких сомнений в близких чувствах этих двух молодых людей. Парень, отвечая взаимностью, время от времени кидал взгляд на девушку, уголки его губ тянулись в лёгкой улыбке, видимо, подбадривая «зяблика», хитро щурил глаз.

– Так, штурман, не туда смотришь, что у нас с выездом? Какую улицу выберем?

Девушка встрепенулась, выпрямилась и сосредоточилась на светящемся экране своего телефона. Минуту озадаченно подвигала пальцем по стеклу и пришла к выводу:

– Ничего я в этих навигаторах не понимаю. Как тут смотреть? Кажется, Героев Хасана открыли, давай через неё...

– Ага, а если не открыли, влипнем в пробку, – донеслось с водительского места.

– Поворачивай, сейчас узнаём, – откликнулась пассажирка.

Автомобиль на перекрёстке резко взял вправо, отчего зад слегка бросило к бордюру, но добавленный газ вытянул его на нужный курс. Дорога оказалась, на удивление, свободна не только от дорожных рабочих, но и от машин. Видимо, мало кто знал о том, что движение уже открыто, и теперь они были здесь, одними из первых автомобилистов. Новенький асфальт радовал своим идеальным полотном. Разметка, пока не затёртая, белела чёткими линиями.

– Классно! Вот, так бы всегда, – оценил дорогу молодой человек и притопил педаль газа. Машина ускорила.

Темнело необычайно быстро. Контрастные силуэты домов на фоне закатного неба стали растворяться, сначала вдалеке, затем ближе, неумолимо наступающими сумерками с востока. Вот, уже совсем стемнело, и только фонари яркими пятнами освещали участки дороги, по которой машина стремилась из города. Последний луч на прощание подсветил путешественникам границу въезда в тоннель, и машина, пролетев гулкой коридор, выскочила по другую сторону насыпи.

Фары, оставшиеся в полной темноте единственным источником света, сиротливо и так тускло освещали путь, что водителю пришлось убрать ногу с педали акселератора и даже наклониться вперёд к стеклу, привыкая к новой обстановке. Сбросив скорость, спортивная машина, однако, уверенно разрезала окружающий мрак. Девушка, сначала пытавшаяся тоже всматриваться в темноту, бросила это занятие и, удобней устроившись в кресле, спрятала свой носик в шарф.

– Там, наверно, здорово сейчас. Никогда не была за границей, – мечтательно донеслось оттуда. – Здесь холодно, а там ещё можно купаться.

– Я тебе просто завидую, – засмеялся парень. – Всегда завидую тем, кто ещё только узнаёт что-то новое.

Он дружелюбно посмотрел на попутчицу, глаза его сверкнули азартом:

– До регистрации на рейс ещё уйма времени. Смотри, какая дорога пустая! Давай обкачаем новинку! Ну, когда ещё будет такая возможность?

Действительно, впереди была прямая и почти пустая магистраль, а мощная машина так и просилась в бой. Под её блестящими стальными линиями прятался недюжинный табун, готовый вырваться на свободу. Константин, так звали молодого человека, накануне специально уговорил свою девушку, Катю, выехать пораньше, чтоб испытать недавно купленное авто. Естественно, об этом она узнала только сейчас. Девушка всегда скептически относилась к такого рода развлечениям. Вот и теперь, она недовольно сморщила лоб, пытаясь подобрать слова, чтоб отговорит Костю.

– Смотри, эта дорога сделана специально для быстрой езды. Давай, напоследок, а? – не унимался тот.

– Не надо так говорить, «напоследок». Нам, между прочим, несколько часов лететь! – возмутилась девушка.

– Хорошо, давай в крайний раз. Погоняем перед отдыхом, – нашёл другую фразу парень и, не дожидаясь согласия, плавно прижал педаль газа. Мотор, словно ждавший этого момента, довольно заурчал и, разгоняясь, буквально вдавил своих пассажиров в кресла. Вот появился огромный зелёный стенд, извещающий о начале магистрали, и Константин дал волю всей мощи машины. Её серебристый силуэт, срезая воздушные потоки, устремился вперёд, подобно гончей, почуввавшей свободу.

– А я ещё всегда хотела научиться водить машину! Для меня это был бы сплошной стресс, – заявила девушка, немного оправившись от впечатлительного разгона. – Тебя это, похоже, нисколько не волнует.

Парень хмыкнул.

– Волнует только вначале, а потом... Хотя, если вспомнить те классные ощущения, когда впервые за рулём, впечатляет. Потом, всё исчезает и притупляется.

– Да, человек быстро привыкает... – протянула попутчица.

– ...к хорошему, – завершил фразу Костя.

– и к плохому, – добавила последнее слово Екатерина. Нет, это был не пессимизм, скорее её осторожность.

Казалось, пронеслось всего несколько секунд свободного полёта, и вот ярко освещённое полотно дороги, предупреждая, ощетинилось знаками об ограничении скорости. Костя заблаговременно и нехотя сбросил газ. Сразу же за последним столбом освещения, как издевательство, поперёк дороги пролегла засыпанная щебнем канава. Старое покрытие встречало путешественников разбитым асфальтом и грязью, возвращая их в реальность. Сказка кончилась.

Молодой человек притормозил на обочине, а затем ускорился. Выбрасывая камни из-под колёс, развернул железного коня, фактически на месте, и воодушевлённо посмотрел на попутчицу.

– Ну, как?

– Здорово!

– Хочешь попробовать?

– Нет, конечно. И вообще, поехали уже в аэропорт.

– Без проблем, если будет маленькое вознаграждение, – засмеялся Костя и с готовностью подставил губы для поцелуя. Катя уклонилась и лишь кокетливо чмокнула его в щёку.

– Довези сначала.

Парень встрепенулся, выпрямился в кресле и хлопнул руками по рулю.

– Значит, план такой, едем на заправку, заливаем полный бак, сами заправляемся кофе, потому что в аэропорту цены на напитки улётные, ставим машину на стоянку и... полетели в рай!

Девушка, от последней фразы, даже запищала от восторга: – Ура!

Автомобиль помчался обратно по магистрали, хватая адреналин для ездоков. Когда скоростная разметка кончилась, спустя несколько километров появилась двухуровневая развязка, на которой путешественники взяли курс на деревню Большое Савино с одноимённым аэропортом.

За поворотом появилась вторая развязка со спуском на шоссе Космонавтов и почти тут же – островок света автозаправочной станции. Круглосуточное кафе разноцветными огнями манило к себе, как мотыльков, проезжающие машины. Вот и наши путешественники сходу подлетели к свободной колонке. Девушка выпорхнула из салона вслед за парнем и стала смотреть, как тот проделывает манипуляции с заправочным пистолетом.

– Беги в кафе, не мёрзни, закажи кофе! – кинул Костя.

– Американо?

– Да, и мне без сахара!

Каблучки сапожек быстро застучали в направлении кафе. Молодой человек, долго роясь в кармане, направился в сторону кассы. Расплачиваясь у окошка, он вывалил на столешницу кучу дисконтных карт, чеков, просто каких-то исписанных листков бумаги. Наконец, найдя нужную купюру, подал её кассиру. Затем, в этом ворохе откопав телефон, набрал его и прижал плечом к уху.

– Алло, пап! Привет! ...Ну, всё мы поехали. Да вылет ночью, за ночь доберёмся... Почему поздно? Чартеры такие, сам же знаешь. Утром будем уже там, и сразу на пляж. ... Сейчас на заправке на шоссе, ...на выезде. До аэропорта всего ничего. Ну, всё пока. Как доберёмся, перезвоним.

Выйдя к машине, Константин ещё какое-то время наблюдал за ленивым счётчиком бензоколонки, отмеряющим положенный литраж. Затем, захлопнув лючок, прыгнул в салон, дую на озябшие руки. Отъехав, он не стал ставить автомобиль в темноте, у кафе, а припарковал, тут же, рядом с заправкой, под ярким пятном софитов. Закрыв двери, отходя, оглянулся, оценивая выгодный ракурс своего блестящего друга, словно выставленного на витрине.

Его пассия уже сидела за столиком с двумя большими стаканами кофе. Она как бы спряталась за ними и хитро улыбалась.

– Что, лиса, притаилась? Какой тут без сахара? – засиял парень, потирая ладони.

Девушка пододвинула к нему стакан с горячим напитком, обхватила двумя руками другой, отхлебнула и, мечтательно зажмурившись, прошептала:

– Правда, классно в отпуске?! Всё самое интересное впереди. Да?

– Иногда ожидание лучше, чем то, чего ждёшь, – парировал тот в ответ.

– А у нас даже лучше, чем ожидание, – оптимистично заявила она и показала язык. – Я знаю! Зачем же мы полетели в такую даль?

Внезапно её взгляд скользнул за спину собеседника, к двери и улыбка сошла с лица девушки. В кафе завалился мерзкий тип, с лохматой бородой, в грязных обносках и с большим пакетом в руках. Выйдя на середину зала, он начал громко кашлять и кряхтеть, перемежая всё это безобразие похабной бранью.

– Покиньте немедленно заведение! – решительно высунулась продавщица из-за прилавка, – иначе я позову охрану!

Бомж неожиданно перестал кашлять и, уставившись на неё, захрипел громким голосом. Нет, это был не голос, это был рык, животный и дикий.

– Я видел Смерть! Я только что видел Смерть! Налей мне что-нибудь согреться!

– Люсь, крикни охрану! – возвала продавщица, куда-то вглубь подсобных помещений.

Бродяга тем временем вцепился в недоеденный сэндвич, оставленный на столе кем-то из посетителей. Дико вращая глазами, он как исчадие ада озирался по сторонам.

– Смерть ходит среди нас! А вы не видите! И в любой момент можете оказаться в её объятиях! – оборванец дико расхохотался, и не дожёванные крошки хлеба густо рассеялись по его косматой бороде.

Юноша решительно взял девушку за руку и поднялся.

– Пойдём отсюда!

Они быстрым шагом направились к выходу, и тут бомж увидел их, глаза его хищнически прищурились и он, в невероятном прыжке, выгнувшись, схватил парня за куртку.

– Дай мне денег!

Костя молча откинул его руку от себя и, проталкивая вперёд спутницу, распахнул дверь.

– Дай денег! Зачем тебе столько? Ты от неё не откупишься! – не унимался попрошайка.

На улице, от заправки, уже спешил охранник. Буйный бродяга неистовствовал:

– Она там! Она вас всех ждёт! Дайте мне водки! Сволочи!

Бомж то грозил кому-то грязным пальцем, то демонически хохотал, то требовал выпивки, пока, наконец, с ним не вступил в борьбу персонал кафе с подоспевшей подмогой. Наши путешественники уже не видели этого, они быстро добрались до машины и перевели дух.

– Какой отвратительный старик! – девушка никак не могла успокоиться. – Что за вздор он нёс? Где-то авария?

Катя оглянулась на проезжающие мимо машины. С обеих сторон дороги не было чего-либо необычного. Трасса жила своей размеренной жизнью, деловым гулом заполняя округу.

– Видимо, он сам жертва аварии, на всю голову, – заключил молодой человек, открывая автомобиль. – Смотри, снег пошёл.

И действительно, только сейчас они заметили, что на землю, кружась, стали падать белые пушистые хлопья. Сначала редкие, как одинокие мотыльки, затем всё больше и больше заполняя пространство. Первые снежинки тут же исчезали на асфальте, превращаясь в лужицы, затем в мокрую кашу, пока совсем не перестали таять, перекрашивая мрачный тёмный пейзаж в светлые тона.

Ребята уселись в машину и с опаской огляделись по сторонам. Всё было спокойно. Ветер, стих и теперь лишь осталась безмолвная картина падающего снега. Она завораживала и гипнотизировала. Хотелось бесконечно смотреть на этот фантастический мир ниспадающих хлопьев.

– Пора, – Константин запустил двигатель. Он опять проделал трюк с ручником, чтоб развернуть автомобиль. Короткое ускорение и закидывание кормы по оси вокруг передних колёс. Затем спорткар, убыстряясь, вынырнул на шоссе и понёсся прочь от фонарей станции.

Первое время оба сидели, молча переживая случай в кафе. Прокручивая в голове каждую минуту появления сумасшедшего бомжа. Девушку время от времени передёргивало от воспоминаний, а парень довольно быстро перевёл мысли на позитивный настрой.

– Что нос повесила? Забудь. Сейчас дорога свободная, при хорошем раскладе доедем быстро. Включай музыку.

Магнитола, сначала треща и шурша, как бы проснулась и неожиданно разразилась хриплым голосом известного барда:

Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса,

Кто ни во что не верит, даже в чёрта, назло всем.

Хорошую религию придумали индусы:

Что мы, отдав концы, не умираем насовсем...

Девушка перевела взгляд на синий дисплей магнитолы и, секунду промедлив, прониклась темой:

– А, что может быть после смерти? Душа же не материальна!

– Ну, душа – это возможно просто сознание, – нехотя отозвался Константин, явно не желая вдаваться в такие темы, – Зачем об этом? Мы всё равно ничего не изменим. Зачем

думать о смерти? Допустим, упадёт самолёт или нет, это знать мы не можем. А если постоянно бояться будущего, можно сойти с ума.

Екатерина, однако, была настроена поговорить. Она развернулась к нему, когда её озаорило предположение:

– Я просто спрашиваю... гипотетически. Что, если человек после смерти исчезнет?

– Как это исчезнет?

– Насовсем! Раз и нету! Нет ни мыслей, ни чувств, ни переживаний... Представь себе, полная пустота.

– А, как же душа? – Константин с опаской посмотрел на девушку, – Она бессмертна.

– А, если нет её? Просто наше сознание нафантазировало? Страшно, да? – Катя была цинична в своих гипотезах, как никогда.

– Да ну тебя! – Костя напряжённо засмеялся, но потом нахмурился и высказал своё предположение, – А как же один из главных законов физики, если где-то убывает, то где-то прибывает? Куда-то потом деваются человеческие мысли, страх, радость... Просто люди сами ещё не знают, куда. Допустим в параллельный мир.

Девушка ухмыльнулась, ей удалось заставить его задуматься. В конце концов, Кате нравился серьёзный, почти важный вид Константина, озадаченного мыслями мироустройства. Ей стало смешно, и она прыснула от смеха. Тот лишь скромно улыбнулся в ответ.

Молодые люди, уже достаточно далеко отъехали от города, и трасса стала совсем пустой, спорткар свободно обошёл единственную машину, которая никуда не спешила, и вклинился фарами в снежную завесу. Хлопья, как звёзды из космоса, летели навстречу, обтекая их и уносясь дальше.

– Красиво! Прямо как в звездолете! – восхищённо воскликнула девушка, прильнув ближе к лобовому стеклу и заглядывая за него, как будто это действительно был иллюминатор космического корабля.

– А вон, кому-то дома не сидится! – заметил молодой человек, кивая на обочину. И действительно, свет фар выхватил одинокую фигуру женщины с зонтом, которая торопливо шла по краю дороги. Она даже не посторонилась от проезжающей мимо машины, совсем не оберегая свой длинный светлый плащ от снежной каши, летящей из-под колёс.

– Странно, до ближайшей остановки далековато пешком. Не скоро доберётся... Может, надо было подбросить? – пожалела путницу Екатерина.

– Подбросили бы, конечно. Но, ей это, кажется, и не надо. Не сидится людям дома. Гуляют..., – хмыкнул парень и оборвался на полуслове.

Неожиданно впереди, за пригорком на спуске, вспыхнули огни стоп-сигналов. Затор! Крово-красные глаза понеслись к ним на встречу. Слишком быстро чтоб можно было избежать столкновения. Время кажется исказилось, его с лихвой хватило осознать положение, но не хватало чтоб исправить его. Сердце Кости на мгновение замерло, а затем запустилось с бешеной скоростью. Его нога автоматически дёрнулась к педали тормоза.

Много ли бывает случаев в нашей жизни, когда незначительное событие, поступок, даже лёгкое движение в определённых условиях может запустить целую цепочку, с подходящим названием – рок? Если задуматься, почти всегда. Вот и теперь всё сложилось в неизбежную последовательность событий. Первым звеном этой цепочки стал снег, скопившийся холмиком, на разделительной полосе. В момент, когда тормоза едва сработали, левые колёса спорткара как раз заехали на это снежное месиво. Машину мотнуло вправо. Бросило опять же не сильно, но водитель, пытаясь выровнять курс, крутанул руль влево. Перед подался туда, а корму по-прежнему тащило вправо. Увеличивая с каждой секундой размах, авто бросило в неизбежный ритмический занос. Заключённые в адском маятнике люди в ужасе застыли, видя, как их выносит на встречную полосу. Самый широкий размах амплитуды развернул корпус поперёк трассы и понёс к обочине, но внезапный яркий луч осветил всю машину. Он как вспышка молнии

выхватил бледные лица людей. Крик ужаса раздался внутри салона, но так и не вырвавшись наружу, исчез под страшным ударом.

Всё стихло. Разом пропали звуки, автомобили, трасса. Сама местность исказилась, словно взорвалась от ужаса и боли, разлетелась на куски и потом, собравшись невпопад, осела могильной тишиной.

Глава 3. Приличные люди не ходят через окно

Скобелев Леонид, высокий, черноволосый мужчина средних лет, но уже прилично потрепанный бытом, проживал на окраине Перми в своей однокомнатной квартире. Вся его жизнь ничем выдающимся не была отмечена. После школы, – заурядное профессиональное училище, в котором получил специальность электрика, и сразу же начало взрослой жизни в рабочем коллективе.

Так как молодость выпала на девяностые годы, когда в стране был повсеместный хаос, то та же неопределённость прочно поселилась в душе молодого специалиста. Денег на производстве платили мало, поэтому, закончив работу, бежал на «шашки», по домам обеспеченных и не очень граждан. Услуги по замене, ремонту проводки и оборудования, всегда пользовались спросом. Зачастую население рассчитывалось алкоголем, бывало, не самого высокого качества. Пили все и везде. Начиная от руководства страны и кончая простыми электриками.

В конце концов, даже бригада могла поставить перед молодёжью, вновь прибывшей в коллектив, условие: или пей, или иди работай. Никто не хотел выглядеть «белой вороной», поэтому почти каждый новичок, несколько поколебавшись, опрокидывал в себя предложенные сто грамм зелья, скрепляя узы такого своеобразного братства. А на следующее утро, уже не отказывались от раздачи опохмелки.

Время бежало, и вот уже, страдая и мучаясь, Лёня принял как должное такой образ жизни. Он понял, вовсе не обязательно лезть из кожи, чтобы чего-то добиться. Можно просто плыть в общей массе и не отвечать ни за что. А стакан водки с нехитрой закуской мог заменить некий смысл бытия, и тогда становилось вовсе не так плохо жить. По крайней мере, так ему казалось.

Когда ещё не было всё так запущено, Лёня даже успел жениться на хорошенькой девушке из далёкой деревни. Вроде как и по любви. Время шло, милая барышня постепенно превратилась в домохозяйку со своими замашками. Утомлённая бытом и однообразием супружеской жизни, она всё чаще и чаще рассуждала о неправильно выбранном пути. Всё тяжелее вздыхала у телевизора, глядя на роскошь и размах жизни своих сверстниц.

Ну что, в самом деле, была же разница, быть замужем за электриком или за принцем, пусть даже телевизионным. Но так как она была сама далеко не принцесса, стала, предсказуемо, заглядываться на парней своего статуса. В основном из окружения мужа. Эти «друзья» недалёкого ума, как, впрочем, и его пассия, часто не утруждались скрывать свои симпатии друг к другу. Леонид, спокойный и уравновешенный человек, смотрел на это дело сквозь пальцы. Или, может, просто не хотел замечать трещин, набегающих на их семейное гнёздышко. Тем не менее, всё это так продолжалось ровно до тех пор, пока однажды его любимая не пришла домой под утро, а затем и вовсе стала пропадать неведомо где. Сначала, конечно, это были якобы подруги, но потом, видя некое равнодушие со стороны мужа, открытым текстом сообщила, что она живёт у другого мужчины и вообще собирается к нему переехать. Как ни странно, Леонид с завидным хладнокровием принял это известие, но после этого всё чаще стал прибегать к помощи спиртного, от чего, впрочем, его жизнь не становилась слаще, а только наоборот.

Наконец они вовсе расстались. Жена подала на развод и уехала к новому возлюбленному. Лёня тоже стал проявлять интерес к другим девушкам, но те всё реже отвечали взаимностью выпившему ухажёру. Получался замкнутый круг, чтоб свободно общаться с противоположным полом, приходилось прибегать к помощи алкоголя, и чем чаще он это делал, тем чаще от него отворачивались избранницы. Затем не только они, но и все, кто знал его. Коллеги, родственники, соседи за одним исключением – мамы, которая из всех сил пыталась удержать

непутёвого сыночка на плаву нормальной жизни. Но он тонул. Тонул медленно и неотвратно, погружаясь на самое дно.

Единственное увлечение, которое Лёнька не разменял и пронёс сквозь все препятствия из самого детства, это страсть к рисованию. Увлечение, которое захватывало его всегда, и никакие пагубные привычки не могли отвадить его от кисти. Запах масляных красок и чистый холст всё время побуждали его рисовать. Они уносили его в другие миры, где он ни разу не был, но которые так живо ощущал на своих полотнах. Они воодушевляли его и ограждали от серых будней бытия, спасая от окончательного падения.

Его квартира была забита рулонами ватмана, холстами и даже тетрадными листами с набросками. Иногда, выпив, он развешивал свои произведения по стенам как в картинной галерее, в которой единственным посетителем был он сам. Затем, перебрав «беленькой», мог слишком критично посмотреть на выставленные работы и уничтожить их одним махом. И только когда на него сойдёт вдохновение, брался снова за кисть.

Вот и сейчас уже миновала неделя обильных возлияний, которые рано или поздно должны были кончиться из-за проблем со здоровьем или из-за отсутствия денег на алкоголь. В этот раз закончилась выпивка. Шатаясь среди разбросанных бутылок, каких-то упаковок и прочего остатка бурных дней, Лёня понимал, что выпить нечего, да и не на что. Организм настойчиво требовал очередной дозы алкоголя. Употребить хотелось уже не для веселья, а ради того, чтоб избавиться от ужасных страданий, заполнивших его измученное тело.

Безрезультатные поиски хоть какой-то опохмелки приводили Лёню в отчаяние и ощущение опустошённости. Стараясь не делать резких движений, чтобы не вызвать приступы сильнейшего головокружения, он вытянул своё истощённое тело на диване и, тяжело вздохнув, закрыл глаза.

«Надо всё это как-то перетерпеть», – единственная разумная мысль мелькнула в его голове, от чего легче не становилось. Хорошо бы поспать, но даже от горсти успокоительных таблеток толку не было. Оставалось мучительно терпеть боль наедине со своими мыслями о том безобразии, которое он учинил в пьяном угаре. Мозг усиленно пытался забыть детали всех неприглядных событий, но память упорно доставала пошлые картинки из тайных уголков сознания. Надо было думать о чем-то хорошем. О чём же? Ну вот хотя бы продавщица из винного отдела, Вера, приятная женщина, статная. Лёня старался вспомнить её черты.

«А что же я ей говорил? Ах, опять неладно, опять пошлости... Стыдно-то как».

Погружённый в такие мысли, Лёня вдруг услышал лёгкий стук балконной двери.

«Сквозняк» – подумал он, не открывая глаз. – «Я же не повернул щеколду».

Но тут буквально кожей почувствовал, что дверь балкона отворилась, и на пороге кто-то возник. Сердце бешено заколотилось. Мысли роем закружились в воспалённом воображении: «Я же на третьем этаже! Ну, кто же может тут оказаться?!»

И, как бы в возражение ему, раздалось тихое кряхтенье. Лёня резко повернул голову, отчего в глазах потемнело. На пороге распахнутого балкона маячил силуэт незнакомого типа.

– Я, собственно, извиняюсь, – донёсся оттуда вкрадчивый голос, – вы бы не позволили нам войти?

– Нам? Кому это нам? – Лёня с усилием принял вертикальное положение. В проёме темнела фигура мужчины, топтавшегося в нерешительности. Его трудно было разглядеть, но как оказалось, это невысокий мужчина лет сорока, сутулый, в серой кепчонке.

– Если вы позволите пройти, мы с удовольствием представимся.

Сутулый, не дожидаясь ответа, тут же бочком зашёл в комнату, а за ним тихо просочился второй тип, очень худощавого вида в очках в толстой оправе.

– Вы, собственно, и так уже прошли... Но я не понимаю, как...? – Лёня тяжело оглядел непрошенных гостей.

– Соседи мы, – чуть осмелев, пояснил первый. А его худой товарищ, слегка наклонившись, зачем-то прикрывая ладонью рот, прошептал на всю комнату:

– Скажи ему, что из тридцать девятой квартиры!

После чего захихикал. Противненько так, тоненько, словно боясь надорвать своё драгоценное здоровье. Тот, кто в кепке, с ног до головы оглядел Лёню, и его широкое лицо расплылось в щербатой улыбке.

– Соседи мы, из тридцать девятой квартиры. – повторил он, пихая в бок спутника, – Ключ потеряли, ...можно, мы воспользуемся вашим балконом?

Лёня ничего не понимал. Он даже не мог представить, с какой стороны должна быть эта пресловутая тридцать девятая квартира, и, хоть убей, не мог вспомнить таких колоритных соседей. Голова так сильно болела, что он просто утвердительно махнул непрошеным гостям, а сам откинулся на спинку дивана и стал разглядывать их. Старший, он же в кепке, пухленький здоровяк выглядел довольно добродушно, крупная щербина на зубах даже вызывала какое-то доверие. Одет он был в помятый серый костюм, явно маловатого размера. На ногах красовались выдавшие виды кеды, похоже, ещё с советских времён.

Второй более щуплый и выше ростом, с чёрными зализанными волосами и пижонскими усиками. Правая линза его очков была разбита и потому заклеена куском лейкопластыря. Синий спортивный костюм с надписью «Abidas» мешковато висел на нём. На ногах красовались дырявые носки и ничего более. Этот тип кого-то сильно напоминал своей карикатурной внешностью, но память Леонида давала такой сбой, что напрягать её было бессмысленно.

– Киля! – бодро шагнул к дивану гость в кепке, протягивая руку. – Меня зовут Киля!

– Господи, что за имя? – выдохнул Лёня, – А как по нормальному?

– По нормальному и есть Киля! – доверительно склонился тот над Леонидом.

– Лёня, – представился он и перевёл взгляд на худого, который снял очки и протирал единственное целое стекло отворотом олимпийки. Теперь он стал похож на узнаваемого, бесноватого персонажа.

– Гитлер!?

Лёне, конечно, стоило подбирать слова, но что есть, то есть, сходство было поразительное. Худой аж вздрогнул и выронил свои стекляшки из рук. Киля звонко расхохотался и представил товарища:

– Его зовут Виля. Это тоже его полное имя. Мы братья.

Виля поспешно напялил себе на нос очки и брезгливо пожал руку Леониду.

– Очень приятно, меня Лёня, – сказал тот и попытался встать.

– Да, мы знаем, – махнул рукой Киля, озирая комнату. Взглядом, полным восхищения и удивления, как будто человек в первый раз в жизни попал в Лувр или Эрмитаж. Картины на стенах ещё не были уничтожены приступом гнева самого художника, и поэтому преспокойненько радовали глаз визитёров. Виля же с умным видом неподдельно заинтересовался дешёвой люстрой на потолке. Оценивающе осматривал её со всех сторон и даже делал попытки дотянуться до неё.

– Добро пожаловать! – гостеприимно пригласил Лёня и включил свет. Отчего с худым чуть не приключился приступ. Он, взвизгнув, отдёргнул руку от вспыхнувшей лампы и поспешил отойти за спину старшего товарища. Лёня был совсем не настроен к разговорам. Но горлышко бутылки, которая торчала из штанин Вили, несколько оживляло обстановку. Маленькая надежда поправить здоровье мелькнула в его голове.

Взгляд Кили постепенно перешёл на стену над диваном, где висел ковёр-репродукция картины «Три богатыря». Старый, советский ковёр, который раньше выпускали по стране тысячами. Киля, кажется, этого не знал. Выдох восторга вырвался у него из груди, в его глазах это был шедевр.

– Ручная?

– Ручнее не бывает – бросил Лёня, не отводя взгляда от бутылки.

– Шикарно! – протянул ценитель искусства, затем вытер свою пятерню о пиджак и осторожно провёл ладонью по ворсу нарисованной лошади. – Ы-ы-ы! Как настоящая!

Худой, не тратя времени, между делом извлёк припрятанную бутылку и стал разливать по пластиковым стаканчикам. Их было два. Лёня заворожённо смотрел на струйку спасительной жидкости и не на шутку распереживался из-за содержимого. Заметив по горящему взгляду, куда направлено его внимание, Киля тут же бодро поинтересовался:

– Болееешь? Ничего, сейчас подлечим. Неси ещё стакан!

Лёня, держась за стенку, потихоньку поковылял на кухню. Долго искал там, чертыхаясь, хоть какую-то тару, найдя в раковине невытую кружку, поспешил в комнату. Гости уже стояли возле журнального столика, и их стаканы были уже пусты. Выпили без него! Какое невежество! Наглая морда Вили довольно прикрикнула. Лёня поставил свою кружку рядом со стаканчиками, и худой с прищуром опытного аптекаря разлил по равной доле на троих. Киля же всё ещё не унимался по поводу ковра:

– Слушай, а зачем он тебе, отдай мне! Не просто так, а вот хотя бы за отличный пятизвёздочный коньяк!

И Киля достал из-за пазухи красивую бутылку с жидкостью цвета крепко заваренного чая. Лёня даже и не сомневался. Отличная сделка. Этот старый ковёр по большому счёту он давно бы выкинул, а тут такое предложение.

– По рукам! – у Лёни даже приподнялось настроение. Они хлопнули ладонями, и Киля с грохотом поставил на стол обещанную бутылку. Жёлтая этикетка полумесяцем словно приветствовала его всей своей пятизвёздочной улыбкой. Чтобы скорее завершить сделку, Лёня забрался на диван и стал снимать со стены приглянувшийся гостям ковёр. Непослушные пальцы кое-как отцепляли петельки с гвоздей. От таких трудов на его лбу проступили капли липкого пота. С последней петлей пришлось повозиться особенно долго, наконец, просто оборвав её, Лёня, сбавив в кучу ковёр, слез с дивана и повернулся к собутыльникам. Комната была пустая.

– Эй, вы где? – Лёня в недоумении огляделся. Бросив на пол поклажу, отправился на кухню. Затем в ванную комнату. Там тоже никого не было. Зачем-то заглянул в унитаз, и растерянно развёл руками. Гости исчезли.

«Они же на балконе!» – вдруг озарило его, и он немедленно направился туда. Дверь была открыта, но и там никого.

«Ушли? – подумал Лёня, – Ну и фиг с ними, пойду, мне больше коньяка достанется»

Он вернулся в комнату и обомлел. На столе, где стояла долгожданная бутылка, было пусто, ну разве что одиноко белела кружка, которая тоже оказалась порожней. Ковёр, подготовленный для продажи, так и остался валяться на полу. Голова нестерпимо заболела, сердцебиение участилось, и Лёня в изнеможении опустился на диван.

Взгляд его соскользнул на стул в углу комнаты, на котором в беспорядке была развешана одежда. Его внимание привлекло движение в куче белья. Какое-то небольшое существо затаилось там и изредка выдавало своё присутствие. Лёня схватил с пола тапок и метнул в стул. Бросок оказался довольно точным, и существо затихло. Вдруг неожиданно с балкона послышался знакомый громкий шёпот Вили:

– Давай подождём, когда уснёт, а затем нападём! Посмотри, что он делает?

Лёня вскочил и, схватив за чем-то второй тапок, бросился на балкон, чтобы немедленно застать заговорщиков. Опять ни души!

«Может, спрятались снаружи» – охватила его безумная мысль. И он, свесившись через перила, окинул взглядом фасад дома. Кругом было пусто.

«Зачем они приходили? Куда ушли?» – Лёня глубоко вздохнул и огляделся. На горизонте, разлившись лиловыми чернилами, расплзалась необычная туча. В воздухе носились

тревога и беспокойство. Ближайший от дома тополь вдруг выгнулся дугой и попытался достать ветками до балкона. Лёня это успел заметить и едва повернул голову к атакующему дереву, как оно мгновенно приняло прежнюю стойку, словно ни в чём не бывало, покачиваясь на ветру. Лёня раскусил отвлекающий манёвр хитрого растения и, не сводя с него глаз, пятясь, отступил в комнату. Оказавшись за порогом, одним махом захлопнул дверь балкона, подпёр её журнальным столиком и задёрнул шторы. Наконец, можно перевести дух.

Лёня понимал, что оказался заложником неких тёмных сил, и теперь надо оценить сложившуюся обстановку. Он прилёг на диван, закрыл глаза и буквально через минуту провалился в поверхностный сон.

Глава 4. Хрустальная гора

Снег перестал идти. На обочине стоял, переломанный пополам, серебристый спорткар. «Газель», которая его протаранила, видимо, пролетела по инерции вперёд и теперь остывала на дороге, понуро просев носом. Собственно, кабина была так вмята, что сейчас уже с трудом определялась марка грузовичка, разве что по кузову. Пар пеленой заволакивал его переднюю часть.

Тут дверь, вернее, то, что от неё осталось, с грохотом упала на землю. В белых клубках буквально вывалился наружу мужчина средних лет. Одет он был в тёплую кожаную куртку и спортивные брюки заправленные в высокие зимние ботинки. Пошатываясь и держась за голову, он пошёл прочь от железного месива. Сделав несколько шагов мужчина, наконец, выпрямился и медленно убрал руки от лица. Выражение ужаса, с которым он посмотрел на свои дрожащие ладони, сменилось растерянностью. Кажется, страшных ран удалось избежать. Слетевшая дымка обнажила чистое, здорового цвета, лицо. На нём отсутствовали даже ссадины и царапины. Совсем! Судя по всему, сохранилось не только лицо, но и тело пострадавшего. Ощупывая себя, он кажется, до сих пор не верил своим глазам. Убедившись, что не получил травм, он перевёл внимание на дымящиеся остатки авто. Они представляли жалкое зрелище.

– Японский Мамай! – только и смог произнести он, медленно обхватив руками голову, теперь уже от удивления.

Тут за его спиной послышался грохот металла. Сначала глухие, неуверенные удары сменились нарастающей мощью и напором. Звуки доносились оттуда, где унылым фоном маячила разбитая легковушка, которая теперь больше походила на огромную букву «С». Её правый бок практически вошёл в салон, капот нереально закинуло в противоположную сторону, и уже ни за что нельзя было в ней угадать автомобиль. Просто груда металлолома! И именно оттуда в сумраке раздавался грохот. Наконец, с последним самым мощным ударом он стих, послышался голос, похожий на завывание, громкие вздохи и шёпот:

– Катя, Катя, ты как там? Сейчас я тебе помогу... Катя, скажи что-нибудь...

– Помогите! – послышались женские всхлипывания.

– Сейчас... Сейчас...

– Что с нами?

– Ты жива! Мы живы! Всё цело? Давай посмотрю... – тревожный голос молодого человека едва не менялся на ликующий.

Мужчина из разбитой «газели» развернулся и неуверенно сделал шаг в их сторону. В свете вынырнувшей из облаков огромной луны к нему вышли навстречу два молодых человека. Парень и девушка. Придерживая друг друга, они шли прочь от места катастрофы. Молодой человек заботливо прикрывал спутницу и оглядывался, словно ожидая ещё какой-либо напасти. Девушка прихрамывала и все время охала, держась рукой то за колено, то за плечо, то хватаясь за живот, как будто ища, где у неё болит. Тем не менее, и на них не было совсем признаков перенесённой аварии. Даже одежда осталась неповреждённой, словно они вышли со впечатляющего аттракциона, только и всего.

Наконец, все трое участников происшествия встретились. Водитель «газели», обращаясь видимо к парню и махая рукой на дорогу, просто выдохнул:

– Нет, ну ты это видел?!

Тот проигнорировал вопрос, наверно, находясь ещё в глубоком шоке. Девушка быстрее пришла в себя, и первая подала голос:

– Как же это случилось? Ничего не понимаю...

Она наивно хлопала ресницами и теперь стоя на фоне разбитых машин, лишь смахивала с шарфа соринки.

– Вы целы? – газелист недоверчиво оглядел пару. Парень кивнул.

Пришло время осмотреться. Машины, а вернее то, что от них осталось, стояли на дороге, и сразу было ясно, что теперь это просто груда металлолома. Только чудо, редкое везение, могло позволить выжить пассажирам, что собственно и случилось и теперь всех троих можно смело назвать счастливыми.

Первое что бросилось в глаза, пустая трасса в обоих направлениях. Не было ни одной машины, ни рядом, ни вдалеке, хотя только недавно здесь собиралась приличная «пробка». Куда они все подевались? На свежее выпавшем снеге не было даже следов колёс. Белое полотно чистой дороги, которое убегало по холмам теряясь вдали. Небо от горизонта было ярко сиреневого цвета, переходя в более тёмное к зениту, там становилось совсем чёрным, где мерцающими всполохами играли необычайные лиловые огни. Это зрелище отличалось от северного сияния хаотичными линиями изгибов, вспышки от которых, то спиралью уносились вверх то зигзагами устремлялись к горизонту. Воздух был необычайно прозрачен, позволяя различать детали ландшафта даже на далёком расстоянии.

Троица в недоумении вглядывалась в изменившуюся местность. Окружающие холмы, которые казались неестественными. Ровные, как шарики мороженого, они сменяли друг друга, а дорога, которая ныряла по их верхушкам, вообще казалась неким элементом театральной декорации. Там вдали, откуда они приехали, видны были огни города. И только это ещё как-то позволяло сориентироваться на местности.

– Я сплю... – прошептал молодой человек, всматриваясь в сияние на небе. – Как необычно...

– А может, это мы ещё просто в шоке, – предположила Катя, – говорят, мозг в отключке ещё не такое может.

– Одновременно у троих? – недоверчиво спросил Костя и вопросительно посмотрел на другого водителя, который уже принялся разглядывать остатки машин. Несомненно, он видел то же самое, что и остальные. – Как Вас зовут?

– Александр. Можно просто Саша.

– Меня Костя, а это Катя, – представился парень и протянул ему руку.

– Что же ты, Костя, гоняешь как сумасшедший? – отвечая рукопожатием, спокойно спросил тот. – Хорошо, что не убились, но домой до утра я уже точно не успею.

– Занос, – вздохнул Костя.

– Где? В голове? – сплюнул Александр, – Видишь какой асфальт, зачем бьёшь по мозгам?

– Знаю, – угрюмо отмахнулся парень.

– Надо вызвать гаишников, – нашла девушка и достала телефон из кармана. Мужчины с любопытством притянулись к светящемуся экранчику в её руках. Индикатор сети замер на нуле. Связь отсутствовала. Катя дрожащим пальцем упорно пыталась набрать номер, один-один-восемь, затем ноль-два и ноль-три, но безрезультатно, телефон молчал.

– Почему я не удивлён? – Александр вышел на середину дороги и, по-хозяйски подбоченившись, оглядываясь по сторонам, предложил, – Вариант первый, ждём какую-нибудь попутку, должен же кто-то появиться ещё. Вариант второй, идём до ближайшего населения..., и куда все подевались?

– Оставление места дорожно-транспортного происшествия влечёт... – начала, было, девушка.

– Я вас умоляю... – Александр приложил руку к сердцу и уныло скривил лицо.

– Главное не замёрзнуть, пока будем ждать, – резюмировал Константин. И тут все переглянулись, никто не чувствовал холода, несмотря на то, что кругом лежал снег. То есть ощущалась прохлада, но не так чтобы совсем некомфортно. Возможно, это результат шока или стресса, но было не холодно.

Вся троица столпилась на середине проезжей части всматриваясь вдаль, в надежде узреть хоть какие-то признаки движения. Александр даже забрался на валявшуюся рядом канистру, видимо, выброшенную из кузова при ударе. Наступила пауза. Люди обратили всё своё внимание в сторону города, как наиболее вероятному направлению возможного появления помощи. Там было тихо.

Внезапно за их спиной послышалось негромкое:

– Ф-р-р-р!

Все трое быстро оглянулись и опешили от неожиданного соседства. На обочине преспокойненько разгуливал великолепный конь, вороной масти.

– Смотрите, какой красивый! – не смогла сдержать своего восторга Екатерина.

Тот, услышав голос, встрепенулся и повернул морду в сторону людей. Его ноздри раздувались, жадно втягивали воздух, пытаясь почувствовать запах незнакомцев. Он как будто сам был удивлён внезапной встрече. Гулял, пасся, и раз тебе, стоят трое незваных пришельцев. Что ожидать от них? Тут за первым, из темноты выплыли ещё два таких же красавца и настоженно застыли, готовые вот-вот припустить едва, почуяв опасность. Чёрные блестящие тела жеребцов были ухожены, а гривы расчёсаны. Благородство породы не вызывало сомнений. Упряжь и седла находились на местах, как будто их только что оставили всадники.

– О, да вас много! Где же ваши хозяева? – Александр осторожно пошёл им навстречу, протягивая ладонь к ближайшему вороному и тот, охотно потянулся к ней. Крепкое, мускулистое животное, словно фантастическая машина, нависло над людьми, вызывая трепет и благоговенье. Катя, встревоженная таким знакомством, прижалась к Косте. Открытая ладонь Александра коснулась морды животного.

– Ай, хороший, – заулыбался мужчина, поглаживая его по скулам. Жеребец, будто соглашаясь с ним, закивал головой.

– Не бойсь, городские! – Саня обернулся к молодым людям, – Эти лошади ручные. Я жизнь в деревне провёл, разбираюсь. Но где же хозяева?

То, что где-то есть поблизости люди, владельцы вороных, давало некоторую надежду на скорейший выход из сложившейся ситуации. Но сколько ни осматривались бедолаги кругом, всё без толку. Никого.

Наконец, Александр медленно обошёл коня и взял его под уздцы. Посмотрел на парня с девушкой. В глазах сверкнул азарт. Те мгновенно поняли его замысел.

– Может, не стоит? – осторожно спросила Екатерина. В ответ тот лишь иронично улыбнулся и резким рывком занёс ногу на седло. Конь захрипел, дёрнулся, но не скинул седока.

– Сейчас я узнаю, где тут есть местное население, – самоуверенность Александра оставляла всякие сомнения в том, что он может передумать. Подобно Александру Великому, бывший водитель «газели» гордо выпрямил спину и похлопал коня по шее:

– Давай-ка, найдём твоих хозяев, Буцефал!

Животное, как бы соглашаясь, тихонько пошло рысью.

Оставшаяся пара переглянулась.

– Как он его назвал?

– Буцефал!

Молодые люди улыбнулись. Обстановка разрядилась, и уже, кажется, не было того напряжения, которое возникло до появления животных.

Под управлением опытного всадника, конь неторопливо двинулся по краю дороги. Глядя на них, у оставшихся людей возникала надежда, что всё не так уж и плохо.

– Никуда не уходите! Я приведу помощь, – раздался голос из темноты уверенным тоном. Конь уносил седока не по направлению к городу, а куда-то в поле, в сторону возвышавшегося вдали высокого холма с чёрными деревьями на самой вершине, которые образовывали общую

тёмную массу, силуэтом напоминавшую невиданного зверя, прилёгшего отдохнуть на белевшем склоне.

– Почему он отправился туда? Почему не в город? – всполошилась Екатерина, глядя вслед исчезающему в дали всаднику.

– Возможно, там какая-нибудь деревня или хозяйство, где есть конюшня. В любом случае, кони приведут к людям, – оптимистично отозвался Константин и посмотрел на тёмные силуэты оставшихся лошадей. Они явно никуда не спешили, паслись и продолжали коситься на парочку, словно ожидая от них какого-то подвоха. Их глаза были как чёрные дыры, из которых зияла бездонная глубина. Словно иное существо наблюдало за людьми через этот взгляд. И выше человеческих сил было долго смотреть в эту бездну, грозящую обратить сознание в безумство.

Жеребцы то топтались на месте, то отходили вдаль, иногда били копытом землю, припадали ноздрями к взбитому грунту, что-то пробовали на вкус, затем внезапно бросались в догонялки, закладывая широкие кольца по полю, успокаивались и снова возвращались к дороге, к стоящим разбитым машинам, и с интересом наблюдали за людьми.

Катя и Костя, с надеждой ожидая весточки от гонца, тоже бродили взад-вперёд, собирая между делом с земли раскиданные вещи и обсуждая недавние события и переживания. Иногда они замолкали и вглядывались в сумерки, пытаясь услышать звуки приближающейся помощи. Но темнота не возвращала ни того, кто ушёл, никого-либо другого.

Время тоже трудно было определить по ощущениям, а телефон Кати, похоже, пострадал больше хозяйки, часы зависли на пятнадцати минутах после полуночи. Аппарат отказывался реагировать на любые нажатия кнопок. Попытки достать и вернуть батарейку не приводили к оживлению экрана, который светился одной-единственной картинкой, как на рекламной афише.

– А почему бы и нам не попробовать проехать на лошадях? – вдруг не выдержал Константин, озираясь на гулявших животных. – Я когда-то давно даже катался на ипподроме.

– Что-то не нравится мне эта затея, – пробурчала девушка – Может, лучше пешком дойдём? Сколько, думаешь, километров до той заправки?

– Километров девять-десять, – пожал плечами Костя.

– За пару часов можно запросто добраться.

– Какой смысл тащиться в город, когда мы уже почти доехали до аэропорта? Немного отклонились, но, очевидно, рядом. Может, стоит пойти туда? – и Константин махнул рукой в противоположную сторону от огней города.

Катя молчала.

– А если до людей далеко? Когда есть парочка осёдланных лошадей, зачем ходить пешком? Если грамотно тянуть за поводья, то можно запросто управлять. К тому же я так устал, – Костя сел на корточки.

Девушка пожала плечами. Она утомилась не меньше его. Но произошедшее потрясение до сих пор не отпускало её, и она прокручивала в голове кадр за кадром хронику последнего часа. Тем не менее, время шло, и было ясно, что надо предпринимать какие-то самостоятельные действия.

Молодой человек, видимо, уже измученный ожиданием, резко выпрямился, отмерял по дороге широкими шагами метров десять как бы в раздумьях, затем смело направился к ближайшему животному. Тот вначале шархнул в сторону, но потом покорно подпустил и позволил взять себя под уздцы.

– Ты же не кусаешься? – Костя для самоуспокоения шутя спросил его, на что получил утвердительное фырканье. Катя попыталась одёрнуть любимого от опрометчивого шага

– Послушай, давай только не сейчас! Мне кажется это не безопасно!

Но Константин не слушал её. Он просунул одну ногу в стремя и с лёгкостью забросил вторую на спину жеребца. Облегчённо переведя дух, и постепенно выпрямившись, помахал рукой.

– Смотри, он совсем ручной. Давай, забирайся сюда! Поедем вместе, на одном...

Конь действительно не выказывал какой-либо неприязни и даже, похоже, с удовольствием, красуясь, гарцевал по кромке поля. Катя на такой поворот событий была, несомненно, согласна и сейчас просто пыталась побороть в себе последние сомнения. Второй скакун, сучая, лениво жуя, бродил поодаль и всем своим видом показывал, что ему «фиолетово» людских проблем. Подходящая краска в окружающем пейзаже!

Костя пару раз объехал девушку вокруг, показывая, что конь совсем послушный. Вот только было непонятно, кто из них кем управляет. Потому что, едва Константин потянул поводья на себя, как животное, будто издеваясь, раздув ноздри, показало свой непокорный нрав. Вороной стал вертеться, беспорядочно менять направление, словно его подстёгивал азарт. И на очередную более решительную попытку натянуть поводья, ответил яростным подъёмом на дыбы. В следующий момент чёрный силуэт со всадником рванул в белую пустошь, поднимая за собой облака искристого снега. Девушка в ужасе, сначала отпрянув, а затем, бросившись вдогонку, в снежную мглу, уже ничего не могла сделать. Её жених растворился, словно и не было.

Наступила отчаянная тишина, заполнившая не только округу, но и самые укромные уголки души Катерины. Конь унёс парня туда же, куда умчался первый всадник. Плохое предчувствие по поводу последнего оставшегося скакуна не покидало девушку. Несомненно, едва заполучив её на свою спину, он умчится в ту же сторону. Там чернел только лес на высокой горе, и никаких признаков людского пристанища не наблюдалось. Ни единого огонька или звука. И в то же время непреодолимое ощущение, того, что кто-то наблюдает за этим местом, не покидало её. Нет, она туда не пойдёт, ни за что. Екатерина бросила последний взгляд на гору, лес и решительно зашагала обратно, туда, где сияли огни большого города.

«Я дойду пешком, чего бы это ни стоило. Какой же дурацкий сон! Как быстро он пройдёт?!» – мысли роем носились в её голове. Словно в бреду, невозможность сконцентрировать внимание вообще ни на чём утомляла, и, в конце концов, её поглотило единственное желание, чтобы всё это прошло как можно скорее.

Дорога нырнула под гору, и здесь Екатерина чуть ли не бегом преодолела часть пути до низины и оглянулась. Никто её не преследовал. Разбитых машин, уже не было видно из-за крутизны склона. Последний жеребец, наверно, тоже остался там. Она перевела дух, и, немного успокоившись, широкими шагами направилась дальше. Запорошённое дорожное полотно взмывало вверх, и не оставалось сомнений, что здесь они с Константином не проезжали хотя пейзаж был узнаваем, с трудом, но узнаваем.

Там, на следующей самой высокой точке, она снова сделала остановку и взгляделась вдаль. Огни города не приблизились, а лишь изменили положение. Теперь, они располагались уже по-другому, словно светлячки, расплзлись по тёмному горизонту. Пытаясь угадать границы знакомых районов, девушка достаточно долго озиралась, пока не сделала для себя неприятное открытие. Пейзаж менялся. Он преображался с пугающей быстротой, будто все окружающее, не имея постоянства, двигалось как огромное облако. Да, неподвижный, на первый взгляд, мир на самом деле менялся, перетекая из одной фигуру в другую. Это можно было заметить, если привязать взглядом два ориентира друг к другу, допустим, дерево и холм. И вот, казалось неподвижные вещи изменились на глазах, дерево соскользнуло с холма и теперь пыталось достать до него своими ветками, а тот, словно уворачиваясь, прогибался, меняя формы.

Возможно, это были всего лишь иллюзии или результат полученной травмы, но, тем не менее надо продолжать путь. Девушка, то ускоряя шаг, то замедляя, двигалась по дивным склонам. Вдали, из леса, время от времени раздавались причудливые звуки, то ли смех, то ли

рыдания, чем-то напоминающие птички, но девушка могла поклясться, что ни одной такой птицы раньше не слышала. Иногда серые тени проносились в небе среди огней сияния, но чьи это образы, и принадлежали ли они живым существам, было сложно сказать. Страх не было. Присутствовало одно непреодолимое желание, которое подавляло все остальные, во что бы то ни стало, скорее добраться до людей.

Поднимаясь на очередную возвышенность, Катя отметила, что город совсем не приближался. Она уже прошла продолжительный путь, может, километров пять. По расчётам, должна уже дойти до пригорода или хотя бы одну из многочисленных заправок. Но ничего подобного. Казалось, что она была пешкой в чьей-то игре или головоломке, пытаясь пройти некие уровни дьявольского ребуса.

Ещё один подъём, и её глаза уцепились за какой-то ориентир, впереди по дороге. Нечто похожее на строение или скульптуру, а может быть, памятник. Чуть припорошённое снегом возвышение маячило возле обочины. Как хорошо, если бы это оказалось тёплым жилищем, где можно было отдохнуть, лечь выспаться и на завтра встретить новый день, вырвавшись из этого мучительного бреда. Фигура приближалась к путнице, и вот уже стали проскакивать черты чего-то знакомого. Машины!

Разбитые автомобили! Те самые, которые она оставила более часа назад! Они как стояли одинокими островами, так и находились не потревоженными до сих пор. Каким образом они очутились впереди, когда она пыталась уйти от них, разум отказывался понимать. Единственное, что изменилось, так это окружающий пейзаж, словно эту грудку железа аккуратно перенесли на новое место. И гора! Теперь она, подобно хрустальной, переливалась холодным светом множества бликов и сияний. Лес на её вершине тёмным зверем шевельнулся и затих, словно в засаде. Сама гора, как будто живая, уже приблизилась к месту аварии, так что почти нависала над головой бедной девушки.

Катя медленно подошла к знакомым останкам автомобилей и посмотрела на них другим взглядом. Только теперь она поняла, что остаться живым в этом месиве из железа и пластика было невозможно. Это стало так же очевидно, насколько и ужасно. Металл был страшно искорёжен и теперь напоминал фантастическое чудовище, прилёгшее у дороги в ожидании жертвы.

И этот окружающий мир предстал совсем не таким, в котором она жила. И жила ли она сейчас? Кто послал за людьми коней вороной масти, и куда они их понесли? Куда угодно, но только не домой, и, похоже, безвременно! Ужас и отчаяние подавили её волю.

И тут, словно призрак, за спиной девушки из темноты выплыла ещё более тёмная фигура того самого последнего коня. Он терпеливо ждал. Екатерина медленно повернулась. На её щеках блестели слезы. Она всё поняла, и теперь была готова принять последнее решение. Обречённо опустив голову, подошла к животному, обняла его за морду и тихо сказала:

– Отвези меня, пожалуйста, к Косте...

Затем, осторожно поднявшись в стремени, села в седло, свесив обе ноги по левому боку коня. Тот бережно, словно боясь уронить свою ношу, медленно двинулся вверх, к сверкающей вершине. Гора молча приняла гостью.

Глава 5. Волки в голове

Это было трудно назвать сном. Скорее, короткие провалы в беспмятство. Сильнейшая головная боль выдернула Леонида из спасительного забытья и снова бросила его к мучительному сознанию. Моральное и физическое состояние было настолько плачевно, что Лёня понимал, ему остаётся только одно, лежать бревном, умолять себя изо всех сил впасть в сон, чтоб отключить мысли. Вот рту был такой отвратительный привкус, что хотелось, как можно скорее заглушить его.

Лёня вставал, плёлся на кухню, набирал стакан воды прямо из-под крана и трясущимися руками пытался поднести кружку к губам. Амплитуда их колебания была такая, что вода, словно буря в стакане, плескалась так, что выливалась наполовину, пока он мог сделать хотя бы глоток. Это раздражало. Очень. В бессилии Лёня снова падал на постель. Любой громкий звук с улицы или в подъезде заставлял его вздрагивать, а сердце, как у спортсмена-марафонца бешено колотилось.

Замок в двери щёлкнул. Кто-то вошёл в прихожую. Это была мама. Единственный человек на всём свете, кто ещё держался за своего сына, она верила, надеялась вытащить его из плена бесшабашной жизни. Лёня прекрасно понимал, как страдает его близкий человек. В трезвые дни, когда наступали моменты прозрения он искренне жалел её, пытался успокоить. Видя, как становятся всё печальнее и печальнее её глаза, он горячо давал себе зарок изменить жизнь и облегчить груз на сердце матери, но, увы, пагубная привычка брала верх.

Мама прошла на кухню, выложила на стол пакет с молоком, хлебом и ещё какой-то нехитрой едой. Потом прошла в комнату, где, распластавшись в бессилии, лежал сын. Спать не хотелось и не могло, поэтому он просто уставился немигающим взглядом в потолок. Женщина устало опустилась на стул:

– Иди, покушай, – потом, немного помедлив и как бы собравшись с мыслями, произнесла дрогнувшим голосом, – Сынок, ну сколько можно пить? Подумай о своём здоровье.

– Уже не пью, – сухими губами едва слышно прошептал тот и медленно прикрыл глаза.

– Давай вызовем врача, тебе сделают капельницу, выведут из запоя, – с надеждой попросила мать.

– Давай, хуже уже не будет, – неожиданно для себя согласился Лёня. Он понимал, это всего лишь попытка облегчить свои страдания, а вовсе не желание завязать с выпивкой. Альтернативы сейчас не было.

– Наркология тут рядом, в паре кварталов, – женщина достала из сумки мобильный, – я записала их телефон, сейчас позвоню...

Она долго, напрягая зрение, набирала цифры на клавишах. Наконец, поднесла к уху.

– Алло, добрый день... можно вызвать бригаду на дом... молодой мужчина, запой... адрес – улица Мира, сорок семь...

Врачи из платного отделения наркологической больницы похвально быстро приехали на вызов. Едва Лёня успел переодеться в свежую рубашку и джинсы, как в дверях раздался звонок. Мама открыла, и в комнату ввалился, не снимая обуви, огромный, розовощёкий врач в зелёном костюме, а из-за его спины выглядывала хрупкая ассистентка, которая тащила за собой огромный пластиковый кейс.

– Так-с! – по-деловому заявил здоровяк и зачем-то спрятал руки в карманы, – Рассказывайте.

Лёня едва открыл рот, как тот уже сам поставил все диагнозы:

– Пьём-с! Не первый день. Похмелье. Болеем. Печень не жалеем. Понятненько.

Щуплая помощница в это время шустро что-то колдовала в своём ящике.

– Доктор, сколько будет стоить поставить капельницу? – мама Леонида вопросительно глядела на врача снизу-вверх. Тот, подхватив её под руку, быстренько увёл на кухню и, снизив бас до шёпота, что-то доверительно начал объяснять.

В это время ассистентка занялась пациентом, сделала укол в руку и замерила температуру. Спустя минуту в комнате появился и врач, судя по довольному лицу, финансовый вопрос он успешно решил.

– Ну-с, молодой человек, собирайтесь, Вы едете с нами. Назначим прочистку, витамины, – он повернулся к матери Леонида и со знанием дела утвердительно кивнул, – Ничего брать с собой не надо, у нас всё есть. После больницы сам доберётся до дома. Тут недалеко...

Лёня послушно собрался и медленно поплёлся за докторами. Мама закрыла дверь и положила ключи в карман куртки сына. Все спустились вниз. Лёню завели в поджидавшую машину «скорой помощи», которая на поверку оказалась простой «буханкой» без какого-либо медицинского оборудования.

Мама всё время хлопотала возле сына, поправляя его одежду. Когда за ним захлопнулась дверь, всё равно продолжала с тревогой вглядываться сквозь стёкла в тёмный салон, ничего ли не забыла. Врач с помощницей тоже заняли свои места возле водителя. Машина лениво и нехотя завелась и через мгновение направилась в городской наркологический стационар.

Прыгая по разбитому асфальту, автомобиль быстро домчал пациента до дверей серого непримечательного здания. Тут их встретил суровый дяденька в застиранной чёрной униформе охранника. Гремя огромной связкой ключей, он как в шлюзы запускал людей, и только хлопнув за ними дверь или решётку, открывал следующие врата в это царство страданий, пропахшее каким-то особенным духом отчаяния и безысходности.

У Лёни забрали всю верхнюю одежду, оформили положенные в таком случае бумаги, затем провели какими-то лабиринтами подвала, с многочисленными поворотами. Наконец, поднявшись на этажи, определили в стерильную палату с двумя кушетками и парой стоек для капельниц. На одной из кушеток, скрючившись в позе эмбриона, лежало тело, накрытое простынёй с головы до ног. Судя по редким вздрагиваниям, тело было живо и находилось в таком же плачевном физическом состоянии, как и вновь прибывший. Леонид, завалившись на свободное место, перевёл дух.

Даже небольшая дистанция, преодолённая пешком, была для его организма настоящим испытанием. Он не успел осмотреться, как подошла медсестра. Уверенным движением ввела ему в вену иглу, закрепила пластырем и присоединила прозрачную трубку, идущую от колбы, закреплённой на стойке. Было видно, как внутри капля за каплей стала поступать исцеляющая жидкость.

– Всё, рукой не шевели, когда кончится, заменю, – медик подвела черту под своими манипуляциями и, собрав использованные упаковки, удалилась. Лёня опытным взглядом оценил ёмкость, нависшую над ним. Пол-литра.

«Что, если бы капельницу ставили из пива?» – пронеслась в голове глупая мысль. Веки наливались тяжестью. Кажется, теперь действительно стало легче. Впервые за долгое время ему по-настоящему захотелось спать.

Как же хорошо было вот так отключиться и не просыпаться как можно дольше, быть в забытьи и не чувствовать ни боли, ни мыслей. Но, любой сон рано или поздно кончается, и Леонид, проснувшись, никак не хотел открывать глаз. Так бы и лежал с закрытыми веками, но каким-то чувством понял, что рядом кто-то стоит.

Так и есть, через едва приоткрытые веки Лёня узрел возле своей кровати человеческий силуэт. Мужчина лет пятидесяти с накинутой на голову простынёй, словно шалью, нависал над ним. На белом фоне выделялось его небритое истощённое лицо. Он стоял рядом со стойкой, на которой висела капельница, а его большие глаза, не моргая, пристально смотрели на послед-

ние исчезающие капли раствора в бутылке. Казалось, он мог так стоять бесконечно, словно языческий истукан, но едва Лёня решил прокашляться, как идол ожил, повернул своё лицо к лежащему человеку, и огонёк радости проскочил в его глазах:

– С возвращением!

– Я, собственно, никуда и не уходил.

– Это ты так думаешь или действительно не уходил? Меня зовут Глеб Павлович. Я твой сосед, – из-под простыни вынырнула худая ладонь для рукопожатия.

– Леонид. Очень приятно.

Мужчина похлопал его по плечу и заговорщицки подмигнул:

– Тоже по знакомству пристроили?

– Не то чтобы...

– Ну-ну, а мне здесь нравится, тихо, спокойно и очень чисто. Знаешь, и сестрички такие внимательные, добрые.

– Ну, да, ещё бы не спокойно. Они же здесь успокоительные сыплют и колют.

Палыч тихонько засмеялся, как будто Лёня сморозил какую-то глупость. Он сел на край его кровати, с явной готовностью пообщаться. Лёня, как ни странно, тоже был рад новому знакомству и ничему не обязывающему разговору. Тем более, боль и тяжесть в голове несколько отступили, стали затихать. Почему бы не отвлечься мыслями? Только говорить в основном пришлось Лёне. Палыч лишь расспрашивал его про жизнь, а сам внимательно слушал с лицом наивного ребёнка получившего новую сказку на ночь. Лёня рассказал всё, от ярких эпизодов детства, до тёмных красок семейной жизни прошлого, и конечно же о невесёлом настоящем.

За окном стемнело. Неподвижная рука уже порядком затекла. Палыч тихонечко прокрался к двери и выглянул в коридор. Затем быстро вернулся к кровати и вполголоса просипел:

– Сейчас у тебя физраствор кончится, они должны поменять на магнезию. А потом пойдут телевизор смотреть в ординаторской.

– И чего?

– Ты тут новенький, а я такие места знаю, закачаешься. Пойдём вместе, на разведку.

«Такого разведчика, блин, в два счёта поймают» – подумал про себя Лёня, но кивнул в знак согласия. В коридоре послышались быстрые шаги. Палыч пулей шмыгнул к себе в койку, уткнулся лицом в стенку, и как ни в чём не бывало, правдоподобно засопел, будто спит. Медсестра появилась с полной бутылкой прозрачной жидкости.

– Ну, что больной, как дела? Поспал? Это уже хорошо. Сейчас ещё одну поставим.

Пока женщина меняла ёмкости, Лёня размял затёкшую руку. Новая бутылочка с лекарством начала свой нудный отсчёт, словно водяные часы. Когда медсестра исчезла в тёмном проёме коридора, Лёня неожиданно понял, что ему просто необходимо в туалет. Видимо, то количество жидкости, которую влили в вену, попросилось наружу через почки. И что же он сразу не сообразил сказать сестре. Перспектива лежать и терпеть совсем не радовала его.

Решение, в лице Палыча, подоспело вовремя. Едва шаги в коридоре стихли, новый товарищ вновь оказался у его кровати.

– Ну, что долго тут собираешься валяться? Пошли уже.

– Как?! – и Лёня покосился на нависавшую над головой капающую ёмкость.

Глеб понимающе кивнул и ловко перегнул трубочку. Затем, невесть откуда появившейся бельевой прищепкой, закрепил её и достал катетер из иглы.

– Ну, вот порядок.

Лёня не без удовольствия согнул руку в локте. Потянулся и медленно сел. Палыч подошёл к двери и прислушался.

– Вроде всё стихло. Одевай простынь

– Зачем?

– Чтобы не увидели.

– Палыч, а где туалет?

– Что, прижало? Сейчас покажу. Накидывай на голову...

Лёня скептически хмыкнул, но простынь всё же натянул на самую макушку. Он вообще согласился на предложение Глеба исключительно из-за туалета.

И вот два, такого странного вида мужчины, словно призрак, медленно выплыли в коридор лечебного учреждения. Справа, в дальнем конце, тускло пробивался свет из-под двери ординаторской. И самовольщики, не колеблясь, выбрали путь в противоположном направлении. Всё было спокойно, только где-то далеко в недрах этого печального дома раздавались душераздирающие крики. Далёкие и безумные, как из забытых фильмов ужасов.

– Нам в платном отделении привольно. Никто особо не наблюдает. Колют, лечат, кормят. А на том этаже, – сказал Глеб Палыч, многозначительно ткнув пальцем вверх, – лежат по принуждению. Силой привозят. Бывает, что запеленают в смирительную рубашку, бросят на полу, и привет. А могут и побить, чтоб не орал... Вон туалет, последняя дверь.

Лёня, беззвучно нырнул в комнату, пробыл там несколько минут и, когда вышел, замер в недоумении. Палыча нигде рядом не было. Он стоял в начале тёмного коридора, с пробивающимися полосками света из приоткрытых дверей палат. В голове представился фантастический тоннель, ведущий в неизвестность, и где-то из глубины этих стен доносились ужасные крики мучеников ада. Новая тема для картины, почему бы нет?

Идти в палату совсем не хотелось, и Лёня решил дожидаться товарища, по несчастью. Он взгромоздился на подоконник единственного коридорного окна, которое было наглухо завалено толстой решёткой. В ближайшей палате, сквозь приоткрытую дверь, были слышны голоса. Лёня сначала не обращал внимания, но беседовавшие говорили уж очень эмоционально, и это заставило его прислушаться. Кажется, там разворачивалась банальная семейная сцена. Женский голос, печальный и тихий, переплетался с болезненно хриплым мужским. Он называл её по имени, то ли Геля, то ли Эля, и при этом всегда понижал тон, словно боясь разгневать супругу. И тогда некоторые реплики было невозможно разобрать.

– Зачем ты пришла, Геля? Хочу, чтобы все от меня отстали.

– Успокойся, пожалуйста. Осталось уже немного...

– Забери меня уже отсюда, так надоело, – в его голосе звучало отчаяние.

– Да, конечно. Скоро всё закончится. – женщина как могла успокаивала больного, – Я принесла тебе кое-что. Ты же всегда хотел выкурить настоящую гаванскую сигару!

– Глазам не верю! За всю жизнь не курил такую. Спасибо...

Послышался щелчок зажигалки, мужчина, видимо, затаился, и наступила небольшая пауза. «Ничего себе, она его балует», – Лёня решил подойти поближе к открытой двери и хотя бы краем глаза взглянуть на эту парочку. Их не было видно из-за больничной ширмы, стоящей рядом с кроватью. Голоса доносились именно оттуда.

– Дай мне руку. Я присяду, – сказал мужчина. – Какая же она у тебя холодная.

– Потому что на улице холодно, – задумчиво ответила женщина.

Пауза. Мужчина прокашлялся.

– Я часто вижу демонов, они преследуют меня, постоянно. Так можно с ума сойти.

– Они не сделают тебе ничего дурного, только ты сам...

– Я устал. Больше не могу так жить! – воспалённый мужской голос то переходил на шёпот, то становился громче. – Я никому не нужен.

– Мне нужен, – отозвался голос молодой женщины.

– А зачем?

Собеседница молчала.

– Я никому никогда не принёс вреда. Если и мучил, то только себя.

– Ты просто слабый человек, и всё время пытался переложить ответственность за свои слабости на других. Все виноваты в том, что довёл себя до такой жизни. Все, но только не ты. Типичное рассуждение алкоголика.

– И что? Скажи, я имею право на свою жизнь?

– Конечно! Весь вопрос, как ты распорядился этим правом? Хватит истереть, сходи, умойся в туалет.

«Какая интересная дамочка», – подумал Лёня и сделал шаг, чтобы взглянуть краем глаза на собеседников и тут же остановился. Мужчина почти вскрикнул:

– Я не пойду! Там волчья стая! Ты слышишь? Они там, в темноте...

Лёня невольно огляделся. Он был один в тёмном коридоре, и слова мужчины почему-то напугали его. Приоткрытая соседняя дверь подсобного помещения зловеще глядела на него. На мгновение показалось, что кто-то там стоит и наблюдает. Страшный и злой. Это был не человек. Он смотрел оттуда, и пенящаяся слюна капала из его оскаленной пасти на холодный кафель пола. Зверь ждал подходящего момента для прыжка и издал нетерпеливый глухой рык. Волосы дыбом встали на затылке у Леонида. Первобытный страх почти парализовал его. Он, едва не теряя рассудок, попятился вдоль стены, как вдруг чья-то рука уверенно отдернула его и поволокла в сторону.

Это был Палыч. Всё такой же замотанный простыней, бледный призрак больницы.

– Тс-с-с! – фантом приложил указательный палец к губам. – Тебя всего трясёт, что случилось?

– Осторожно, там кто-то есть, – Леонид горячо зашептал, указывая на тёмный проём подсобки.

– Стой здесь, – Палыч смело пошёл туда и через некоторое время вынырнул, пожимая плечами. – Никого. Боишься темноты? Это нормально.

Он молча потянул Лёню на площадку запасного выхода. Там они вышли на освещённый тусклым светом лестничный марш, спустились двумя пролётами ниже и очутились на первом этаже, возле квадратного ящика с красной трафаретной надписью: «ПК-1». Глеб Палыч поделовому открыл его. Под пожарным краном стоял пакет и белая эмалированная кастрюля, пахнувшая чем-то вкусным. Палыч не без гордости взглянул на приятеля.

– На кухню сделал вылазку. Одному не унести. Хватай посуду.

Палыч взял пакет и направился вверх по лестнице. Кастрюля была тёплая, Лёня схватил её и на цыпочках бросился вслед.

Проходя мимо палаты, где только что слышалась беседа супругов, Лёня сбавил шаги. Ему очень хотелось взглянуть на ту дамочку, которая так мудрёно общалась с мужем алкоголиком.

«Есть же ещё женщины, которые ухаживают и ценят своих мужиков, какими бы они ни были» – мечтательно подумал он. Может оттого, что за ним самим никто в жизни так не ухаживал, кроме мамы. Даже бывшая жена в первые дни знакомства, не говоря про последующие, не утруждала себя знаками внимания к супругу. А тут нате вам, сигару!

В палате было тихо, и только слабый аромат экзотического табака доносился из-за двери.

«Уже ушла» – сделал вывод Лёня.

Приятели без приключений добрались до места дислокации. Именно так Палыч и называл свою палату. Тут они позволили себе расслабиться. В кастрюльке оказались котлеты с картофельным пюре и подливой. Из пакета был изъят нарезанный хлеб, кусок пирога, литровая банка с чаем и две ложки.

Мужчины с аппетитом принялись за позднюю трапезу. Котлета на ложке Лёни всё так же прыгала от дрожания рук, пытаясь ускользнуть, но голод заставлял невероятным трудом удерживать её и прикончить, кусок за куском. Возвращались силы и заметно улучшилось настроение. Глеб Палыч, расположившись на своей кровати, как индусский бог, медленно жевал, словно медитируя. Вся обстановка напомнила Лёне что-то далёкое и давно забытое.

– Чувствую себя как в пионерском лагере. Даже еда по вкусу такая же...

– Ага. В тихий час обычно делали набеги. За пазуху наберёшь печенья, и в руки алюминиевую кастрюлю с горячим киселём, и бежишь, босой вместе с пацанами, в отряд, делить добычу, – Палыч зажмурился в своих воспоминаниях.

– Брось, Палыч, откуда тебе быть в пионерском лагере? Ты ребёнком-то хоть был?

– Я-то был, – нашёлся с ответом Глеб. – А ты сам на себя в зеркало давно смотрел? Весь помятый как бабай!

Мужчины рассмеялись. Распаковали банку с чаем и пустили по кругу. Их чаепитие нарушил только единожды бледный старик в ночной рубаше, который призраком прошаркал в открытом дверном проёме, до туалета и обратно. На верхних этажах, словно в дивном звоннице, продолжали разноситься крики, урчания, визги и топот.

Неожиданно совсем рядом, за дверью, раздался пронзительный собачий лай.

– Тут ещё собак держат? – удивлённо спросил Леонид. Глеб не успел ответить, как к ним в палату проскользнул молодой парень. Весь взъерошенный, с выпученными от испуга глазами. Больничная пижама, висевшая мешком на худом теле, выдавала в нём пациента. Он захлопнул за собой дверь и настороженно прислонил ухо к скважине. Потом навалился со всей силы и залаял по-собачьи, так громко, что кажется, поднял на ноги всё здание. Откуда-то издали, с верхних этажей отозвались другие одиночные собачьи завывания, словно это был питомник для животных, а не больница. Иногда его старательный лай переходил в озлобленный рык, чем окончательно озадачил мужчин, наблюдавших за этим сумасшедшим представлением.

– Эй, парень, ты чего? – спросил странного визитёра Глеб. Тот обернулся, выпучив на него глаза, и возбуждённо, заикаясь, едва внятно зашептал:

– Там, в коридоре, волки! Если они подумают, что здесь собаки, то испугаются и уйдут. Давайте вместе...

И парень зарычал с удвоенной силой. Действительно, сильный аргумент, в какой-нибудь глухой деревне, но очевидно неуместный здесь. Вдруг с той стороны кто-то не сильно толкнул дверь. Парень отчаянно упёрся в неё и залаял так ожесточённо, что не на шутку испугал Лёню с Палычем. Оба в тревоге приподнялись с кроватей. А что если и в самом деле сюда ворвутся звери?!

С той стороны налегли на дверь сильнее, и через мгновение в палату ввалились двое крепких мужчин в белых халатах, и за ними медсестра со шприцем наизготове. Парень сопротивлялся, как мог, и даже пару раз, извернувшись, пытался зубами вцепиться в руку одному из них, но тот был явно подготовлен к такой встрече и разом скрутил озверевшего пациента. Его щуплое тело быстро обмякло в крепких руках санитаров, и они торопливо унесли его куда-то прочь. Крики и топот ещё долго разносились в стенах учреждения.

– Вот и этот, туда же, волков увидел. Странно всё это, – тревожно сказал Лёня и прислушался к стихающему шуму в коридоре.

– Вечерние обострения. Под ночь здесь с некоторыми бывает. Белочка, – пояснил Палыч.

– Ничего себе представления.

– Тут таких навалом. Обычно их колют препаратами, после которых они становятся просто овощами.

– Ты-то, видно, уже специалист, разбираешься, что да как?

– Уж я-то знаю. Это нам со стороны кажется, что их поступки дурацкие и бессмысленные. А на самом деле хоть и спонтанные, но логичные. Всё объяснимо. Некоторые, допустим, на ужине масло прячут и выносят. Думаешь, зачем?

Лёня пожал плечами:

– Зачем?

– Ножки кровати натирать. Чтоб всякие гады, типа змей и ящериц, к ним в постель не забирались. По смазанным ножкам не залезть, соскальзывают, – Палыч, кажется, знал, о чём говорил. – А тот парень лаял, чтоб отпугнуть хищников. Хотя так не отогнать.

– Ты же говорил, что их нет!

– Я так не говорил. Кто знает, может, и есть, – загадочно произнёс Палыч, почёсывая затылок.

Мужчины допили чай. Рассовали посуду под кроватями, и развалились по своим местам.

– Палыч, а ты где живёшь?

– Здесь недалеко. Дом на шоссе...

– Дети есть?

Палыч вдруг переменялся в лице. Взгляд его стал хмурым и озабоченным. Он резко сел и, уставившись в пол, осипшим голосом проронил:

– Были...

Лёня тревожно всматривался в его глаза. В них было много боли и печали. Палыч молча подошёл к стойке с лекарством, снял оттуда бутылку, затем, отлив половину в порожнюю кастрюлю, вернул на место и сосредоточенно поставил катетер в иглу, торчащую из руки Леонида. Потом вернулся, тихо лёг в свою постель и, уткнувшись лицом в стену, замер. Лёня не знал даже, что сказать. Он понимал, что задел какие-то личные мотивы Палыча, но как теперь поступить, что сказать и при этом не навредить, не знал. Так они и пролежали, в тишине, пока не явилась медсестра, чтобы убрать использованную капельницу.

Ночь прошла спокойно. На Леонида, видимо, подействовали лекарства, которыми, не скупясь, его накачали светила наркологии. Он буквально провалился в сон и пребывал в нём до самого утра, без всяких видений и кошмаров. Проснулся от громких разговоров и шума за дверями, как будто там что-то передвигали тяжёлое. Голоса всё время перемещались по коридору, пропадали и снова появлялись, кто-то причитал.

От противного липкого пота вся простыня стала влажной. Постоянно хотелось пить, и Леонид первым делом нырнул рукой под кровать, пытаясь найти бутылку с водой. Утолив жажду, он присел. Палыч сопел на своей кровати и, кажется, даже не собирался просыпаться. Лёня встал, одел тапки и не спеша направился в туалет. Проходя мимо знакомой палаты, где подслушал поздний разговор, обратил внимание на резкий запах хлорки. Дверь была распахнута настежь, на обе створки, будто специально для проветривания. Бабушка в халате уборщицы гремела тазиком и выносила из палаты в коридор пакеты и коробочки от сока. Она что-то постоянно бормотала себе под нос, из чего можно было выловить только одно вразумительное слово – «батюшки».

– Что случилось, бабуль? – Лёня вяло наблюдал за её вознёй.

Бабулька на секунду остановилась, чтобы взглянуть на него, и снова захохала:

– Так что же? Преставился... Господи помилуй! Этой ночью ваш брат и преставился. Прямо в палате... Бедняжка.

Лёня, недоверчиво косясь на женщину, протиснулся внутрь. Койка, на которой вчера лежал пациент, была уже без постели. Железный остов, просвечивая сеткой, одиноко стоял, отодвинутый от стены. Небрежно собранные бельё и матрац валялись на полу.

– А что жена его, уже в курсе?

– Да какая жена? Он всегда один жил. Раз пять к нам попадал, ни разу никто его не навещал. Племянник сдавал на лечение и не появлялся. Вот и отмаялся... Денег никогда не было, ишь, а сигареты импортные курил... – Бабка веником смела от плинтуса половину сигары. Лёня смотрел на катящийся окурочок и вспоминал, насколько дорога была эта сигара кому-то накануне. Жаль, конечно, мужика. От всего увиденного у Леонида на душе стало мутно и тоскливо.

– А сколько ему лет было?

– Да бог его знает... На вид в аккурат, как и тебе, батенька.

«Тьфу ты, ведьма старая... Лучше бы не спрашивал», – подумал Лёня и поплёлся дальше по коридору.

Этот случай никак не выходил из головы. Он вспоминал последние слова бедолаги и пытался понять, что тот чувствовал перед самой смертью.

«Предвидел он её или нет? И что должна ощущать та женщина, которая держала его за руку в последние часы жизни? Сочувствием, она, кажется, не страдала. Получается, она обвинила его во всех проблемах и отвернулась от умирающего. Интересно, насколько сильно она расстроится при печальной новости, всплакнёт ли на могилке у близкого человека? Да и кто же она такая ему? Ну, то, что родственница, непременно. Посмотрел бы я сейчас ей в глаза. Прибежит ещё как миленькая. Поплачет».

Некоторое злорадство закралось в подсознание. Стало даже как-то легче. В конце концов, у него было не всё так плохо.

На обратном пути кто-то сзади схватил его за руку, прервав течение его печальных мыслей. Это была медсестра.

– Скобелев, как Вы себя чувствуете?

– Спасибо, ничего вроде.

Она затащила его в свой кабинет и усадила на кушетку. Достала какие-то бумаги и начала заполнять.

– Сейчас придёт доктор, осмотрит Вас, спросит о состоянии...

– Нормальное состояние... Скажите, а вот мужчина сегодня, отчего умер?

Женщина оторвалась от стола и, задумчиво глядя в окно, произнесла:

– Ещё нет заключения. В анатомичку увезли... Но, похоже, самый распространённый диагноз в этой ситуации, сердечная недостаточность. Разве можно так пить?

– А родственники, что же, уже знают?

– У него, кроме племянника, никого не было. Уже позвонили.

– А что за женщина навещала его вчера? Родственница?

– Во сколько?

– Часов в десять вечера.

Врач странно посмотрела на Леонида и ладошкой тихонько прихлопнула бумаги на столе:

– Вот что... Вам бы не мешало хорошенько отдохнуть. Посетителей мы не пускаем в палаты. А в десять вечера стационар давно закрыт на все замки. Так что...

Лёня опешил, ну не прислышались ведь ему вчерашние голоса! Что же это такое? А вдруг прислышались?! Тогда он болен, и кажется, серьёзно.

Тут в кабинет ворвался солидный дядечка в очках, в сияющем от белизны халате. Поздоровавшись, он схватил ближайший стул и поставил его напротив Леонида. Уселся, подбоченившись, и оценивающе оглядел пациента с ног до головы, словно ваятель на бесформенный камень, из которого ещё предстоит вылепить скульптуру.

– Слушаю Вас, – наконец произнёс доктор таким тоном, как будто тому было, что говорить. Лёня пожал плечами.

– Что, совсем нечего сказать? Ничего не болит? Вы уже здоровы?

Лёня поморщился от такого врачебного сарказма.

– Всё болит, – вывалил он эскулапу в лицо, отчего у того брови полезли на лоб, якобы от удивления.

– Вот как? Ну, значит, всё проходит по плану, как и должно быть. Бессонница? Голова кружится? Тошнота?

Вопросы летели как из пулемёта. На них Лёня утвердительно кивал, лишь бы этот любопытный дядя скорее отстал. Женщина-врач сосредоточенно делала какие-то пометки в своих бумагах.

– Ну, что, продолжим капать. Очистим организм. Уколы поставим... – доктор так и сыпал дальнейшими планами по поводу спасения Леонида. Похоже, для него это не составляло труда. Пациенты были примерно с одинаковым диагнозом, и поэтому лечение выписывалось легко и непринуждённо, по накатанной схеме. Дело было в руках профессионала. Но тут пациент встрепенулся и неожиданно прервал стройное течение его мыслей:

– Доктор, а может, я домой пойду?

Наступила тишина, во время которой слышно было, как тикают часы на стене. Доктор сдвинул очки на кончик носа и внимательно посмотрел на Леонида. Тот, воспользовавшись паузой, начал развивать наступление:

– Честное слово, я уже чувствую себя гораздо лучше. Приду домой, отлежусь. Помоюсь... Да и дел столько накопилось.

– Ну, вы понимаете, что ещё только начали курс? Алкоголь полностью не вышел из вашего организма. Вдруг потянет опять выпить?

– Нет, не потянет. Я уже не хочу. Самому противно, – соврал Лёня и сделал самые правдивые глаза на свете, какие только мог сделать алкоголик, после недельного запоя.

– Ну-у-у-у, хорошо, – как бы неохотно стал соглашаться врач, хотя даже толстые стекла очков не скрыли радостной искорки в его глазах. Видимо, он тоже не горел желанием иметь у себя в отделении лишних больных. – Вам надо будет дома пропить курс таблеток, получите их у Тамары Ивановны. Подпишите бумагу о том, что отказываетесь от дальнейшей госпитализации. Потом Вам выдадут выписку, одежду...

– Спасибо, доктор! – Лёня не верил своему счастью. Врач раскланялся и с чувством выполненного долга и явным облегчением поспешил прочь. Ему не было резона задерживаться около одного, из массы похожих друг на друга пациентов. Женщина за столом, видимо, та самая Тамара Ивановна, убрала одни бумаги и достала другие. Заполнила их неразборчивым почерком и дала подписать Леониду. Затем извлекла из шкафа горсть цветных таблеток и вручила ему.

– Вот эти розовые пейте три раза в день после еды. Эти маленькие принимайте перед сном...

Она ещё что-то говорила, но Лёня уже не слушал её. Он смотрел в окно, на свободу. Скоро явился санитар и пригласил за собой. Лёня уже было пошёл к выходу, но задержался в дверях и, немного помявшись, спросил:

– Тамара Ивановна, а вот пациент, который со мной в палате лежит, Глеб Павлович... надолго здесь?

– А куда ему торопиться? Тоже одинокий. Лечим потихоньку.

– Что, и тоже родственников нет?

– Был сын. Погиб в автокатастрофе. Вместе с невестой... После этого и запил по-чёрному. Очень сильно переживал. Говорят, умом уже, кажется, тронулся на этой почве. Пристроили сюда по большому знакомству. Что поделаться? А раньше вроде как важным человеком был, учёный. Судьба. Ничего уже не изменишь.

Лёня понимающе кивнул и в задумчивости вышел из кабинета. Он клял себя за то, что расстроил Палыча, и хотел бы помочь ему, но не мог придумать, как это сделать. Когда он возвращался к палате, ему стало как-то не по себе.

Если бы Палыч спал, то Лёня просто тихонько забрал свои вещи и ушёл, но тот не спал. Палыч лежал на спине и смотрел в потолок. В откинутой руке торчала знакомая капельница. Он даже не повёл взглядом на вошедших людей. Лёня, стараясь не шуметь, собрал свои нехитрые пожитки и, немного замешкавшись, подошёл к его постели. Взял его руку и пожал.

– Палыч... Я на выписку. Ты держись давай. Может, увидимся потом...

– Подожди, задержись на пару минут. Присядь, – вдруг сказал тот, охрипшим от длительного молчания голосом. Санитар в дверях, хоть и сделал недовольный вид, однако возражать не стал. Лёня присел на край кровати и приготовился внимательно слушать.

– Я вижу, что ты хороший человек. Так получилось, что встретились здесь, а хотелось бы в лучших условиях, – Палыч вздохнул и осунулся в плечах, – Видимо уже не в этой жизни. Что поделать? Надо как-то существовать дальше. Оставаться людьми и помогать друг другу по мере возможности. Не знаю, хочешь ли ты что-то поменять в своей жизни или нет, это твоё дело. Но если я тебе смогу помочь, буду очень рад. Подай с тумбочки блокнот с карандашом.

Лёня не понимал, к чему тот клонит, но поспешно протянул ему то, что он попросил. Палыч с трудом повернулся на бок, избегая тревожить иглу, второй свободной рукой стал что-то быстро черкать в блокноте.

– Тут я тебе написал телефон своего очень хорошего знакомого. Его зовут Артур Борисович, он министерский работник, для меня, а, следовательно, и для тебя сделает всё, что в его силах. Я ему скажу про тебя, так что, когда будешь готов, просто позвони ему. Главное, чтоб ты сам хотел завязать с этой заразой.

Что он имел в виду под словом «зараза», Палыч не уточнил, хотя при некотором логическом выводе можно было догадаться без труда. Он оторвал исписанный листок и отдал Леониду.

– Спасибо, Глеб, думаю, это мне пригодится.

– Не тяни с этим. Тебе необходимо беречься. Столько надо ещё сделать... – глубокомысленно произнёс Палыч и махнул рукой, отпуская от себя.

Лёня кивнул, сложил листок и поспешил прочь.

– Обязательно позвони, – донеслись вслед прощальные слова Глеба.

Глава 6. Не пей около аптеки

В отдельной комнате Леониду выдали верхнюю одежду и ботинки. Сложив другие вещи в пакет, он проследовал за охранником, который открывал перед ним многочисленные двери. Вот последняя, с мощной решёткой, щёлкнула замком, выпуская узника на волю.

Наконец, Лёня оказался на ступенях, снаружи этого неприветливого заведения. Чувство свободы переполнило его душу вместе с тёплым ветром, обдувшим лицо. Мрачный охранник долго топтался у дверей, глядя вслед уходящему пациенту. Ноги были ватные, они словно отвыкли шагать и едва подчинялись хозяину.

«Иду, как будто пенсионер», – поймал себя на мысли Лёня. А путь был длиной в две остановки. Серьёзное расстояние для измученного похмельем организма. Люди и машины кругом спешили по своим делам, бодро обтекая бредущего по дворовым проездам человека, чей мир сейчас был сконцентрирован на пяди земли, куда в очередной раз нужно сделать шаг.

Так, метр за метром, Лёня двигался к своему дому. Мысли о том, зачем он так рано покинул относительно уютную больницу, время от времени закрадывались в его голову. Перспектива валяться на своей постели в одиночестве, дома, где и поесть-то толком было нечего, не радовала его. Ну, да ладно, спишем всё на сладкое слово – свобода. Хотя, если честно признаться, где-то в тёмных уголках души сидели у него предательские желания о выпивке. Ну, хоть чуть-чуть. Кружечку пива. И это несмотря на то, что ещё полностью не оклемался.

И эти желания не заставили себя долго ждать. Словно материализовавшись под ближайшим грибочком на детской площадке, сидели знакомые силуэты друзей – алкоголиков.

Компания из четырёх человек разливала себе по пластиковым стаканчикам и негромко хихикала. Негромко пока, потому что обычно спустя некоторое время, такие компании превращаются в шумные дискуссионные клубы, где кипят нешуточные страсти, иногда даже подкреплённые зуботычинами в качестве последнего аргумента. Большинство людей знают, насколько сложно переносить соседство с такой братией под окнами многоквартирного дома, когда спокойный отдых граждан, гарантировано, превращается в пытку. Там уже, конечно, обязательные вызовы полиции-милиции, которая, собственно, никогда не спешила на такие выезды. Но в данный момент, сейчас всё проходило тихо, ибо на начальной стадии. Пока ни один прохожий не хотел связываться с люмпенами, расположившимися на детской площадке и сделать хотя бы замечание.

Троих из четвёрки Лёня знал хорошо, буквально со школьной скамьи. Серёга Зеленин, завсегдатай соседнего двора, и Володя Бешко, одноклассник, балагур и затейник. Гоша – сосед, интеллигентный и тихий выпивоха, тоже был здесь. Вся их взрослая жизнь проходила по одной схеме «работа, дом, семья, компания». Постепенно из этого списка выпала сначала «семья», потом «работа». А главное место заняла «компания». Четвёртый из нынешнего состава был опухший и грязный тип, видимо, давно уже вычеркнутый из своего списка и «дом».

Лёня увидел их издали. Намётанный глаз выхватил знакомые фигуры из общей благополучной картины и безошибочно определил цель, как стервятник издали видит, чем можно поживиться. Ему бы взять да пройти мимо, хотя бы соседним двором, но ноги сами повернули к ним. Ещё бы, это же единственные люди, которые его понимали, и с которыми было так легко и запросто общаться. Внутренний голос как-то робко ещё пытался внушить хозяину о ненужности такой встречи, но другое сознание привело беспроблемный аргумент:

«Просто поговорю, и уйду».

Сейчас казалось, что всё под его контролем.

Серёга сосредоточенно химичил с двумя бутылками. Отмерял и смешивал тёмную и прозрачную жидкости. Остальные не отрывая глаз, наблюдали. Увлечённые нехитрым занятием, они просто не заметили подошедшего приятеля. И только когда Лёня играючи стук-

нул по лопатке Володю, испуганно оторвали свои взгляды от вожаемой ёмкости с напитком. Сию секунду их небритые физиономии расплылись в лучезарных, разукомплектованных зубами, улыбках.

– Лёня! – радостно выдохнули трое. И лишь чумазый незнакомец немного растерялся. Понятно, лишний рот в этом деле только помеха.

– Ты откуда такой красивый свалился?

– Да, вот мимо шёл, гляжу, знакомые рожи, – Лёня решил не говорить такому благородному собранию, откуда он, собственно, свалился.

– Пить будешь?

К этому вопросу Лёня был готов, и он попытался изобразить на лице муки выбора и сомнений. На самом деле долго уговаривать его не стоило. Просто выдержанная пауза для приличия.

– Наливай!

Приятель оживился. С точностью разливочного автомата Серёга плеснул по стаканчикам спиртовую смесь, настолько ровно, что все остальные с пониманием переглянулись.

– И что, не разбавляя пить будем? – неуверенно задал вопрос Вовка, на что тут же получил снисходительные взгляды собутыльников.

– Кто же её разбавляет? Мараться только, – знающе отрезал Серёга. Четвёртый алкаш утвердительно кивнул и облизнулся. Этого персонажа звали Лев, у него был самый «уставший» вид. И его очень мотало из стороны в сторону.

Лёня взял свой стакан и тяжело вздохнул, как будто это был приговор. Морщась, посмотрел, как другие выпили свои порции, и последовал их примеру. Стараясь не дышать, опорожнил стакан и замахал рукой. Это было нечто покрепче водки. Серёга понимающе вложил ему в ладонь бутылку с водой. Лёня запил и только после этого перевёл дух. Жар пошёл по всему телу, затем погаснув на время, вернулся в мозг приятной истомой. Всё приходило в равновесие. Окружающий мир уже не казался таким ненавистным и чужим. Трясущиеся руки постепенно успокоились. И даже голова, до этого болевшая и ничего не соображавшая, стала выдавать упорядоченные мысли.

И понеслось. Приятная расслабленность способствовала беседе. Начались разговоры про жизнь, про политику, про женщин. Все наперебой пытались высказать исключительно свою точку зрения, полагая, что она единственная правильная. По большому счёту, каждый старался донести до окружающих своё важное мнение, авторитетное и не терпящее возражений.

– Слышали, скоро снова будут наказывать за тунеядство, – заявил Гоша и почему-то уставился на Володю.

– А чего ты на меня смотришь? Я один, что ли, такой? – встрепенулся тот. – Если хочешь знать, давно бы работал, только где её взять, работу-то?

– Действительно, – заступился за «тунеядца» Сергей, – прежде чем наказывать, надо сначала дать работу. Государство даст её?

– Ишь, чего захотели, сами ищите. Квартиры тоже никому не дают просто так, а наказывают же за отсутствие регистрации. Штраф такой, что мало не покажется, – авторитетно и со знанием дела заявил Игорь.

Мирно клюющий носом Лёва вдруг ожил, поднял голову и обвёл присутствующих тяжёлым взглядом, после чего взревел:

– А всё потому, что держать вас на цепи. Хотят привязать к одному месту, и никуда чтоб не рыпались. Конституция с гарантиями ничего вам не гарантирует. Без прописки вы букашки. Ни медицину не получите, ни работу, документов не видать, и даже телефонную карту не купить. Свободу они захотели. Вот вам свобода!

И Лев выразительно показал всем фигу.

– Сразу видно, кто у нас без прописки, Лёва бомж! – весело отозвался Вова, отводя от своего носа его вытянутую руку, – Кстати, у нас в компании Лев и Леонид, два разных имени, а обозначают одного и того же животного!

– Кто животное? Я животное?! – нитевидный пульс разума Лёвы пытался не выпасть из смысла разговора, но это ему удавалось всё тяжелее и тяжелее.

– Лёва и Лёня – это львы. Только Лев, наверно, русский лев, а Леонид иностранный, – встрял Серёга, рассматривая каждого из них нетрезвым взглядом, словно пытаясь найти общие черты.

– Леонид переводится как «подобный льву», – пояснил Лёня.

– Да что вы говорите!?! – скривился «русский лев». На его лице читалась мешанина из агрессии, иронии и невероятной пустоты сознания.

– Короче, Леопольды, давайте жить дружно! – тут же нашёлся Владимир. – Считайте, что это тост!

Из кармана Серёги выныривали очередные «фунфырики» с настойкой, которые тут же были употреблены компанией не по назначению. Вернее, по тому значению, которое нормальным людям в голову не придёт. Тонкая грань между опохмелкой и пьянкой была преодолена мгновенно, благодаря невиданной крепости напитка.

Через какое-то время приятели начали собирать мелочь по карманам, чтоб отправить «гонца» за следующей порцией пошла. Все, кроме Лёвы, выгребли по горсти разнокалиберной мелочи, и Серёга скрылся в аптеке, крыльцо которой очень кстати находилось за ближайшими деревьями.

– А ты чего не скидываешься? – Гоша с упрёком уставился на Лёву, который пытался с достоинством удержать осанку, при этом опасно раскачиваясь на трубе ограждения.

– А я скинулся... – Лев смотрел мутным взглядом на землю перед собой.

– Врёшь.

– Да оставь его, он уже, похоже, на финише, – махнул на него Вова. Тут подошёл Серёга, брякая стеклом за пазухой. Очередная порция была разлита, и Лёва, запрокидывая голову со стаканом, вдруг потерял равновесие и рухнул назад на спину. В строю оставшихся прошёл неодобрительный гул, как на футбольном матче, когда пропускает мяч любимая команда. Опрокинутый Лев к тому же и не пытался встать, а, лишь пару раз дрыгнув конечностями, так и остался лежать на земле, зацепившись за трубу ногами. Пара изношенных ботинок, носками кверху, безмолвным памятником возвысились над поверженным телом.

– Лёве больше не наливаем!

– Отряд потерял бойца.

Одобрительный храп, похожий на хрюканье, разнёсся по округе, дополнительным аккомпанементом к беседе милого сообщества. Гоша решил продолжить тему, начатую ранее.

– Так вот, самый знаменитый из Леонидов, древний спартанский царь. Он и его триста воинов остановили армию персов.

– Да, слышали такую историю.

– Ночью перед последней битвой к нему явилась ангел под названием Неотвратимая Смерть, поговорить...

– Какая-какая смерть?

– Неотвратимая. Как-то её там по-гречески зовут, я уже не помню. Она только и занималась тем, что перерезала нить судьбы каждого человека, которую плела её младшая сестра.

– Негодяйка. Все они, бабы, такие... – встрял Серёга.

– Да суть не в том. У неё с Леонидом разгорелся такой спор кто, мол, решает судьбу. Леонид говорит, типа, я, царь, решаю, когда умереть. Остаться на поле брани или уйти. А она ему, типа, не уйдёшь, и осталось жить тебе всего ничего. Он подумал и согласился, что не уйдёт, потому что уйти с поля боя – это позор хуже смерти. Но ведь он сам принял решение остаться

здесь, и никто его не уговаривал сложить голову в битве. Смерть говорит, что какое бы решение он ни принял, это будет её решение, и она уже знает, когда точно перережет его нить.

Компания притихла, пытаясь осмыслить сказанное.

– А если на вред, взял бы, да и сбежал с поля боя? Тогда бы обманул Смерть? – Вовка вопрошительно осмотрел компанию. Гоша тут же возразил:

– Но не сбежал же! Значит, она знала, о чём говорит, и в итоге всё равно оказалась права. Наутро Леонид вышел к своим воинам и бодренько так сообщил «Давайте завтракать, друзья! Ужинать мы уже будем в царстве мёртвых! Я уже, типа, договорился».

– Всё равно, мне кажется, он по-своему сделал. Смерть не озвучила своё решение, а потом просто примазалась к его поступку, по факту, – задумчиво отозвался из тишины тёзка того царя.

Все загудели наперебой, предлагая свои версии возможной развязки истории. Володя решил прекратить этот гвалт новым тостом:

– Давайте выпьем, друзья! Опохмеляться мы будем в каком-нибудь царстве..., ну или на худой конец, в отделении полиции.

Компания засмеялась. Были распиты ещё пара пузырьков.

– Опохмеляться надо обязательно, – со знанием дела начал свои рассуждения Серёга. – Иначе, может прийти эта самая смерть. Сердце просто не выдержит.

– «Белочка» может прийти, – хохотнул Вова.

– А у меня была «белочка», – на полном серьёзе, как-то задумчиво отозвался Гоша.

– Как же это тебя угораздило? Давай рассказывай, – оживилась хмельная компания.

– А чего рассказывать? Дело было так. На работе выполнил небольшую халтуру, ну и с нами расплатились не деньгами, а по старинке, водкой. Не хотел пить, но уговорили. Думал, вечер расслаблюсь и остановлюсь. Домой пришёл, ну там скандал, конечно. Я психанул, пошёл в магазин, купил ещё водки и на обратном пути неудачно подвернул ногу в какой-то яме. Ох, и орал же я. Но, к счастью, была под рукой анестезия и, приняв прилично на грудь, допрыгал до дома, фактически на одной ноге. А там уже со мной боялись связываться. Ещё бы, ведь я злой был как собака. Никто слова не говорит, вот и пил неделю, а может, больше. Водка кончится, я ковыляю в магазин. И так до тех пор, пока в карманах не стало пусто. Всё, думаю, надо завязывать. Первый день без алкоголя прошёл как-то более или менее нормально. А вот на второй уже спать не мог, только лежу с закрытыми глазами. В голове «мультики» мелькают. Адский калейдоскоп. То дядьку своего, покойничка, вижу, он мне всё время что-то говорил. Естественно, как живой. То вижу каких-то странных людей, следящих за мной. На третий день к вечеру появились стрекозы, муравьи, которые бегали по потолку. Из розеток доносились голоса из потустороннего мира, которые разговаривали со мной. Они предупреждали, что жена и тёща хотят меня убить, и надо бежать, пока не поздно. И вот лежу, значит, не сплю, слышу, как они шепчутся. Тёща предлагает подсыпать мне яду. А жена говорит, чего тянуть, давай ножом его прикончим. Испугался тогда до жути, по-настоящему.

Гоша сделал паузу и закурил. Слушатели с нетерпением ждали, когда он продолжит.

– Решил я тогда бежать. Голоса из стены подсказывали самый короткий путь, через окно. Благо, живём на первом этаже. А надо сказать, была зима и я, не одевшись, в одном трико и майке, сиганул прямо в снег. И побежал. А какой-то карлик с красной рожей, видимо, караулил меня на ветке дерева и как заорёт «Вот он, ловите его!» И смотрю, по кустам собаки след нюхают, меня, видимо, ищут. Тогда я, чтобы запутать их, стал бегать восьмёркой, вокруг домов. Почему-то казалось, что я такой умный и запросто обману свору. Холода даже не чувствовал, был страх и азарт уйти от погони. Тут-то меня и повязали санитары. Откуда только взялись? Скрутили. Кричу им про больную ногу, но они нарочно таскают, именно за неё. Я сопротивлялся и тянул время, как мог, потому что видел, как за забором соседнего дома рассредоточились милиционеры и хотели меня спасти. Какой-то спецназовец по рации отдавал при-

казы другим, чтоб подготовились к штурму санитарной машины, куда меня взяли в заложники. Потом что-то вкололи, и я провалился в сон. Дальше ничего не помню. Очухался в палате. Запеленали так, что ни ногой, ни рукой. Пришёл врач и стал расспрашивать, что да как. Я тогда даже не знал, что меня посетила самая настоящая «белая горячка». Это уже доктор пояснил. К тому времени видения прошли, только тело ломило и было в такой слабости, что даже ходить не мог, и сестра кормила из ложечки, и выносила за мной утки. Дня три прошло, пока не стал сам ходить. Вот такая история.

Повисло тягостное молчание. Гоша осмотрел пронзительным взглядом лицо каждого приятеля, думая, продолжать или нет. Компания была готова слушать дальше, и поэтому он, загадочно понизив голос, продолжил рассказ.

– Это ещё не всё. Самое странное то, что у нас померла соседка, больная шизофреничка. Она состояла на учёте и, пока могла ходить, мешала жить буквально всем соседям. Ругалась на чём свет стоит. Царапала двери. Писала на стенах подъезда какие-то непонятные символы. Шептала заклинания над тем местом, над которым ты только что прошёл. Короче, зрелище ещё то. Неприятное. Так вот, потом она слегла, и за ней стала ухаживать двоюродная племянница. Ну, раз у неё мужа и детей не было, квартира вот-вот освободится, тут дальние родственнички и подшустрили. Правда, племяшка, чего там таить, выполняла свои обязанности исправно. За старухой смотрела надлежаще. Когда старая психичка умирала, она видела ту же нечисть, что и я.

– А ты откуда знаешь?

– Племяшка рассказала, что перед самой смертью тётка забилась в угол на кровати и кричала, что из-за плинтуса выбираются двое, один с синей, а другой с красной рожей. Она видела тех же чертей, которых видел я. И в одно и то же время. Хотя мы были в разных квартирах и на разных этажах.

Гоша так страшно выпучил глаза на приятелей, а те, кажется, даже протрезвели от таких впечатлений. Стали вспоминать свои истории. Тут оказалось, что в той или иной мере все испытывали подобное. Может, не совсем «белая горячка», но нечто похожее...

Между тем алкоголь действовал на выпивох неумолимо. Вовка уже в полный голос призывал компанию отправиться к «девчонкам в клуб», где у него якобы был неограниченный кредит доверия, соответственно, все его любят и ждут. Что встретят их там с распостёртыми объятиями и непременно нальют ещё. Гоша вежливо отказался, заявив, что ему надо идти домой. Другие же были не против. Они встали и пошли. На земле остался лежать, удобно устроившись, Лёва. Вова убедил всех, что такое состояние для его знакомого в порядке вещей, и когда он очухается, уйдёт сам. Было принято решение не тревожить спящего.

Они пошли. Вот уже появились огни «клуба», который на поверку оказался обыкновенным питейным заведением. В прокуренном зале они нашли свободный стол, за который благополучно приземлились. Вовка сразу переключил своё внимание на девиц, устроившихся за соседним столиком. Он и Серёга не были так пьяны, поэтому охотно бегали от прилавка до девушек, оттуда к оставленному в одиночестве Лёне, приносили ему напитки, а сами неизменно возвращались к новой компании. Леонид же не мог стоять на ногах и теперь лишь молча пытался наблюдать за происходящим, едва удерживая себя от сна.

И вот уже его сумеречное сознание стало выхватывать лишь отдельные эпизоды. То небритые лица собутыльников, то одинокий стакан на столе. Нечёткие контуры посетителей заведения. Огни, которые бегали перед глазами как живые, поэтому невозможно было сфокусироваться ни на одном из них. Некая девица подходила, что-то спрашивала у него и потом хохотала. Лёня тогда пытался сосредоточиться на лицах приятелей, но сделать это не получалось. В какой-то момент, отведя взгляд за их спины, вглубь зала, он заметил знакомых личностей. Виля и Киля с опаской топтались у входа. Пройдохи стояли усердно махали ему руками, пытаясь подозвать к себе.

- А-а-а, вот вы где! – только и смог злорадно проворчать он и погрозил им пальцем.
- Лёня, ты как себя чувствуешь? – послышался где-то вдалеке голос Серёги.
- Видимо, ему на старые дрожжи попало, вот и развезло, – голос Вовки звучал совсем откуда-то из-за горизонта. – Алло, гараж! Просыпайся!
- Надо его увести домой.
- Знаешь, где он живёт?
- Знаю.

Последнее, что помнил Лёня, это желание добраться скорее до постели. Силы покидали его. Он чувствовал руки друзей, подхвативших его и несущих куда-то вдоль качающихся фонарей. Иногда они волокли его, часто роняя прямо на грязный асфальт. Он же просто плыл в воздухе, словно на какой-то карусели в сменяющемся калейдоскопе лиц, домов, деревьев и машин. Наконец, всё растворилось и исчезло во мраке сознания.

Глава 7. Часовщик

Вой, жуткий и неестественный, разбудил Лёню. Кто мог обладать таким голосом, даже представить было невозможно. Он открыл глаза. Было уже поздно. Синие огни ползли по стенам комнаты, разбегались и сходились, увеличивались и исчезали. Пространство исказилось до неузнаваемости, и только знакомая обстановка и предметы как-то напоминали о родной квартире. Странно, что голова не болела. Мысли довольно чёткие и последовательные, и это, несмотря на количество принятого вчера спиртного.

Лёня встал, чтобы пройти на кухню, попить воды, и ахнул от увиденного. Квартиру буквально перекосило. Стены мало того, что стали разного размера, так ещё и колыхались, словно ткань на ветру. Потолок из прямоугольника превратился в какую-то трапецию, которая, кажется, так и норовила скрутиться пропеллером. Пол же вздыбился, словно под ним образовался огромный пузырь, и теперь, чтоб пройти по нему, приходилось проявлять недюжинную сноровку. Предметы мебели тоже как-то покосились и скрючились, как будто им было уже лет двести.

Лёня прошёлся вдоль серванта, касаясь его рукой, поправляя книги на кривых полках. На ощупь все было таким настоящим, что, увиденное невозможно списать на похмельное виденье, даже при всём желании.

Лёня, впрочем, сразу принял окружающую обстановку, и некоторое любопытство переборол его страхи и тревоги. Для начала пришлось всё-таки зайти на кухню и выпить воды из-под крана, которая на вкус оказалась отменной дрянью, похожей на застоялую болотную жижу. Теперь валяться на кровати вовсе не хотелось, и первым делом Лёня совершил променада по своей квартире.

«Да нет же, всё такое же, как и раньше, ну разве чуть-чуть кое-что поменялось», – мысленно успокаивал он сам себя, вглядываясь в детали обстановки. Однако, очевидно было, что здесь что-то не так. Лёня очень хотел, чтобы это был лишь сон, но его вывод остался неутешительным – это не сон.

Он оделся и вышел в подъезд. Надо было очень постараться и приноровиться спуститься по кривым ступеням, пытаясь удержаться за хлипкие поручни, которые буквально гуляли волнами. Всё представлялось мрачно, но подсвечено разными всполохами огня, которые исходили даже из каменных стен, словно от драгоценных камней. Надо сказать, не было смысла осознавать окружающую обстановку, потому что этот мир состоял из одной природы кривого пространства, которое стремилось, не спеша видоизменяться, словно густой сироп, медленно залитый в стакан с водой. Леонид даже допускал, что это всего лишь сон. Очень реалистичный сон, который изобразил для него другой мир. Мир, повторяющий образ знакомого места, но как будто обезображенного кистью неизвестного художника.

Лёня толкнул дверь и оказался на улице. Город казался пустым. Ветер разносил по тротуарам бумаги, мусор вперемешку с пылью. Он остановился в нерешительности, выбирая, куда пойти, налево или направо. Только подумал о том, чтобы проведать соседний магазин, как за углом дома послышался шум. Крики и собачий лай в общем гомоне приближались. И вот, едва не сбив опешившего Лёню, мимо пронёсся человек, лёжа на спине. Взъерошенного и кричащего от ужаса, его волокли за собой две собаки, торчащие из брюк, там, где должны быть ботинки. Псы неистово неслись, время от времени пытаясь укусить друг друга. В азарте склок они вовсе не обращали внимания на бедолагу, которого волокли за собой. Зрелище было настолько неопишимо диким, что пока Лёня пытался осознать увиденное, тройца скрылась во дворах, так же внезапно, как и появилась. Понимая, что это не последний сюрприз, Леонид с опаской стал озираться вокруг.

Город не был пуст. То там, то сям мелькали какие-то тени. По кустам кто-то усердно бегал, и, судя по количеству топающих вслед ногам, не просто бегал, а убегал. В некоторых окнах квартир мелькали фигуры, и тут же скрывались за полупрозрачными занавесками в испуге быть замеченными. Странные крики, невнятные бормотания и шорохи время от времени врываются в окружающую тишину. Атмосфера тревоги и опасности чувствовалась каждой клеткой организма. Это был, если не враждебный, то уж точно не дружественный мир, нехотя встретивший пришельца.

Вот на дороге появился автомобиль. Из-за помятого кузова трудно даже было определить принадлежность его к какой-либо известной марке. Он двигался не спеша, словно бы в задумчивости, и даже притормозил возле «зебры», хотя пешеходов на ней не наблюдалось. Лёня поднял руку в надежде привлечь внимание к своей персоне. Водитель, видимо, заметил жест, свернул на встречную полосу и остановился поодаль, напротив голосовавшего. Этот автомобиль был жалкий на вид, помятый, грязный и к тому же с разбитыми стёклами. А как же водитель? А водитель вовсе был без головы! Именно, живой и без головы. Видны были только плечи отчего, казалось, что салон вообще пустовал. Но нет безголовое тело повернулось всей грудью в сторону Леонида, словно пыталось разглядеть того, кто посмел остановить его. Раскрытая подушка безопасности, повисшая на руле, явно раздражала его, отчего он всё время пытался откинуть её в сторону. Кажется, это его больше беспокоило, чем отсутствие головы. Наконец водитель просто заправил обрывки ткани себе за воротник как салфетку перед обедом.

– Извините, – Лёня, стараясь выглядеть как можно приветливой, сделал шаг навстречу машине, простирая открытые ладони, всем видом показывая свою безбидность. Но безголовый, видимо, не оценив добрых намерений того, рванул с места и, не сворачивая со встречи, исчез вдаль, поднимая за собой облако пыли.

– Дурдом, – констатировал с тяжёлым вздохом Лёня и оглянувшись, принялся глазами выискивать кого-нибудь более адекватного, с кем можно было реально поговорить. Метрах в ста от того места, где он стоял, маячила фигура человека. Это, похоже, был немолодой мужчина. Он не торопясь шёл, удаляясь в сторону центра города. Что-то разместившееся на его плече напоминало поклажу, которая, впрочем, не отягощала его. Лёня решил во что бы то ни стало нагнать случайного путника. Быстрыми шагами он поспешил вслед за мужчиной. Расстояние было не такое уж большое, но вот странное дело, Леонид никак не мог приблизиться к цели. Он ускорял шаги, делал остановки, но фигура неизменно была так же далеко, что и в начале пути. В таком тандеме они уже отмахали больше половины улицы Мира и приблизились к скверу Миндовского. Лёня, вспомнив о том, что он в молодости неплохо бегал, и положившись на свои ноги, из последних сил припустил трусцой за пешеходом. Упрямое расстояние никоим образом не сокращалось, а спина старика, словно издеваясь, всё так же мерно раскачивалась из стороны в сторону. Преследователь заметно выбился из сил и замедлил шаг.

– Э-э-э-эй, мужчина! – протяжно закричал он вслед старику. Видя, что тот остановился и обернулся, вдохновлённый, замахал ему рукой. – Подождите меня!

Путник понимающе кивнул и уселся на лавочке, аккуратно напротив входа в сквер. Лёня, держась за грудь, с великой одышкой, волоча ноги, пошёл к нему. Огромные жирные крысы, потревоженные криком, высыпали из дверей небольшого торгового павильона и возмущёнными взглядами провожали его. Лёня, проходя мимо, глянув на них, подумал:

– «Разве могут быть на морде крыс эмоции?»

Может, он и не подумал, а произнёс это вслух, потому что самая толстая, сидящая на задних лапах и держащая в передних надкусанное яблоко, неожиданно ответила:

– Могут!

– Это у тебя морда, а у нас лицо, – добавила та, что была чуть поменьше, с порванным ухом, и вся крысиная ватага взревела от восторга. Лёня посмотрел, чем бы можно было запустить в этих негодяев, но, не найдя ничего, просто погрозил кулаком.

– Катись, катись, хамло! – серая братия свистела и улюлюкала. Лёня недоумевал, какие-то грызуны, словно рыночные торговки обзывают его хамлом.

Дед сидел на лавочке и терпеливо дожидался его. Седые волосы и борода были ухожены. Глаза с хитринкой выдавали в нём разумного человека, пожалуй, пока единственного такого среди всего того сумасшествия окружающего мира. Серая жилетка с карманом и пристёгнутой цепочкой от хронометра и белоснежная рубаха. Всем видом старик чем-то напоминал купца начала прошлого столетия, ну, разве что, вместо хромовых сапог на ногах были обыкновенные сандалии. На месте поклажи, на его плече, оказалась небольшая птица, видом напоминавшая сову, которая дремала и никак не обращала внимания на постороннего. Лёня едва перевёл дыхание, как старик уже начал разговор:

– Нельзя так, молодой человек, терзать свой организм. Бег в таком состоянии просто губителен. Присаживайтесь рядом.

– Нет, спасибо. А какое у меня состояние?

– Сердечко-то на пределе работает. Так и рвётся из груди. Раз, и устанет когда-нибудь. Давление скачет, ой-ёй.

– Пить меньше надо, да? – Леонид был готов к нравоучениям.

Старец хмыкнул, но промолчал. Достал из жилетки хронометр и посмотрел на циферблат. Хоть солнца не было видно на небе, но старинная вещь ярко сияла золочёными боками и без него.

– Ишь, тикают! – дед приложил часы к своему уху и, кажется, зажмурился от удовольствия.

– Вы не могли бы сказать, как я сюда попал? И вообще, где я? – прервал его Лёня.

Старик внимательно посмотрел на него и выдержал паузу, как бы в раздумьях, стоит ли говорить.

– Леонид, можно я перейду на «ты»?

– Конечно. Вы даже знаете, как меня зовут?

– Понимаешь, долго объяснять. Здесь многие бывают. Кто-то раньше, кто-то позже. Считай, что ты на границе между мирами. Физическим и духовным.

– Этого ещё не хватало. Уж никак не мог подумать, что духовный мир такой...

– Какой?

– Мрачный и грязный. А ещё, эти... говорящие крысы и безголовые водители.

Старик от души рассмеялся.

– Ну, во-первых, ты ещё не в том мире, где материя теряет всякий смысл. А во-вторых, как бы это сказать, духовный мир каждого человека свой. Чем он жил, его мысли, его иллюзии, то он и представляет собой, сбросив физическую оболочку. Наличие головы ещё не значит, что она есть.

– Что же это, я умер?

– Думаю, что нет, но уже близко к тому. – ответил странный старик. – Не страшно? Тогда давай прогуляемся.

Они вдвоём направились вдоль аллеи. Лёня обратил внимание, что сквер теперь напоминал некий ботанический сад. Растения, которые не могли расти на Урале, пышным цветом распустились вдоль множества тропинок. Диковинная флора яркими пятнами расположилась от земли до макушек деревьев. Не все они были прекрасны и безобидны, как могло показаться. Встречались ядовито-лиловые и траурно-красно-чёрные особи, которые к тому же были ещё и хищниками. Время от времени они раскрывали свою лепестковую пасть и хватали разнообразных насекомых и даже маленьких птичек. Некоторые, самые наглые, умудрялись изворачиваться и кусать за штанину человека. Брюки Леонида были испорчены, а к старику растения проявляли завидное миролюбие, никаких поползновений. На ветках сидели крупные птицы,

похожие на индеек, и сонно глядели на окружающий мир. У некоторых были самые настоящие человеческие головы. Они дремали, зевали и даже иногда шипели друг на друга.

– Это птицы гамаюн. Ночные жители, – пояснил старик, – отсыпаются. А ночью могут быть опасными, тогда лучше на них не смотреть и не слушать. А не то отдашь им своё лицо.

– Птицы, которые забирают лица, как это вообще возможно? Бред какой-то!

– Здесь бред – реальность, а реальность как бред. Привыкнешь со временем, – старец хитро посмотрел на собеседника.

– А Вы чем здесь занимаетесь и как попали сюда?

– Это вы приходите и уходите, а моя доля – быть здесь вечно. У меня есть маленький домик, где я живу и хозяйничаю, хочешь, покажу?

Старик остановился и вопросительно посмотрел на Лёню. Тот кивнул. В конце концов, ему некуда было торопиться, а дед располагал к общению.

Его загадочный визави зашёл за старый дуб, увлекая вслед за собой. Одним широким жестом правой руки распахнул, как ширму, заросли дикого шиповника, и вот они уже очутились на Сибирской улице, недалеко от главного гастронома. Они стояли прямо под квадратными часами, которые, как известно каждому пермяку, никогда не показывают точное время. В месте, достаточно далеко находящемся от сквера Миндовского. Как старику удался такой фокус, оставалось непостижимой загадкой. Тогда Лёня решил не удивляться ничему, а всё принимать как есть.

Они пошли дальше, вверх по Сибирской. Старик со своей шаркающей походкой на удивление быстро передвигался, но не позволял попутчику отставать от себя. Лёня терялся в догадках.

– «Может, это какой-то волшебник? А это всё вокруг – просто сказка? Хотя какая может быть, к чёрту, такая грубая, некрасивая сказка? Наверно, этот тип просто фокусник. На том и порешим», – подумал он, а вслух спросил:

– А Вы кем работаете?

– Есть у меня небольшое хобби, сейчас увидишь, – ответил старик.

– Простите, я не спросил, как Вас зовут.

– Часовщик, подходящее имя.

Лёня хмыкнул, не часто приходилось слышать такие оригинальные имена. Они повернули направо, и вскоре оказались у маленького неприметного домика. Вернее, если посмотреть иначе, очень приметного на фоне уродливых высоток, которые угрожающе нависли над ним. Одноэтажный с двускатной крышей, больше похожий на деревенский, домик терялся среди зелёного плюща, обвивавшего его со всех сторон. Маленький резной балкончик на уровне чердака, окошки с красивыми наличниками создавали приятное впечатление.

Хозяин незатейливого жилья толкнул незапертую дверь и пропустил гостя вперёд. Сразу за тесной прихожей начиналась комната. Это была не просто комната, а какой-то дворцовый зал с высокими потолками. Как такое пространство уместилось в маленький домик, непонятно. Полы, выстланные морёным дубом, стены, облицованные гладким зелёным камнем, а высоченный потолок сиял белизной. И часы. Кругом были часы. В многочисленных шкафах, на стенах, на столе. Соответственно – настенные, настольные, напольные, песочные и водяные. Всевозможных размеров, от простых до богато инкрустированных. Глаза разбегались от такого циферблатного безумия.

– Вот моё хобби. Я обожаю часы. Ремонтирую их, настраиваю, – похвастал Часовщик и, понизив голос, заговорщицки прошептал. – И иногда я с ними разговариваю.

Лёня отпрянул и посмотрел на деда в поисках признаков безумия или хотя бы иронии. Но нет, тот был спокоен и деловито серьёзен. Теперь понятно, почему он предпочёл представиться не именем, а своей специальностью. Просто часовой маньяк какой-то!

– Столько часов! Какой смысл?

– Смысл?! – брови того взлетели в недоумении. – Часы пропускают через себя то, что вы даже не видите – Время. Время непреклонно, неподкупно и правдиво. Никто не может противостоять ему!

Старик шагал по залу взад-вперёд. Наверно, он в Леониде увидел того человека, которому можно было выговориться. Долгое молчание тому причина или настроение, но дед не унимался:

– По-твоему, в мире сколько измерений?

– До сегодняшнего дня было три. Это, видимо, четвёртое.

Часовщик поморщился.

– Вот так все говорят. Четвёртое измерение – это время. Хотя я его назвал бы первым. Когда вы назначаете встречу, говорите координаты, а, б, с и, конечно же, время. Иначе как же вы встретитесь?! В полёте огромной стаи ни одна птица не столкнётся с другой без ведома Времени.

– А это место, где я нахожусь, какое измерение?

– Неважно. Пятое, шестые и прочие измерения – они есть. Люди верят только своим примитивным органам чувств, и поэтому для них открыты всего три координаты. Вам так трудно проникнуть в другие пространства. Особенно внутри себя. Но все эти пространства пронзает Время, которое может исказить их, изменять и даже оборачивать вспять. А значит, Время – наиважнейшая константа бытия.

Часовщик подошёл к дальней стене, задрапированной от потолка до пола тяжёлой занавеской, и отдернул её. Вместо окна взору Леонида представился огромный механизм, обрамлённый шлифованным гранитом. Без лицевой панели, с выставленными наружу пружинами, шестерёнками и маятниками. Массивный, похоже, он был сделан полностью из металла, о чём свидетельствовали многочисленные заклёпки и кованые узоры. Без цифр, с одной-единственной массивной стрелкой, похожей на лезвие меча, которая с лёгкостью двигалась по кругу, отмеряя свой единственный час.

Всё это крутилось, лязгало и жило собственной неведомой жизнью. Такие часы даже внушали некий первозданный ужас. Гипнотический страх, от которого ноги не бегут и глаза не отрываются. Хотелось смотреть и смотреть, на их работу, и чем больше вглядываться, тем самым неминуемо быть притянутым к ним, чтоб исчезнуть в колёсах и шестерёнках этого чудовища.

– Вот оно, Колесо Времени! – Часовщик был просто одержим.

– Жернова, – только и проговорил Лёня, и был недалеко от истины. Он ярко представил суть этого механизма, который неумолимо перемалывал время, а вместе с ним всё остальное. Лёню тоже буквально притягивало туда. Он даже сделал несколько шагов к железному монстру, пока Часовщик не придержал его за руку.

– Ладно, будет смотреть, – старик задёрнул занавес. Лёня оторвал взгляд, перевёл на Часовщика и понял, что когда тот говорил про вечность, то была вовсе не аллегория, а самая что ни на есть действительность.

– Значит, Вы можете управлять временем?

– Заметь, мой друг, это сказал не я.

– Но кто же Вы?

– Простой Часовщик.

– Похоже, что не простой.

Старик достал из потёртого комода чайник с чашками и предложил гостю присесть к столу. Они пили чай из смородинового листа. И все эти тикающие часы, окружающие их, были словно живые. Они наблюдали за Леонидом, отстукивая секунды. Тик-так, тик-так. Время вдруг стало видимым словно прозрачная река, оно огибало все предметы, встречающи-

еся на его пути. Всё это постепенно вымывалось, таяло, частичка за частичкой, пока, не устав сопротивляться, растворялось и превращалось в тлен.

Лёня встряхнул головой. Видение исчезло. Исчез и домик с загадочным хозяином и всеми его часами.

Глава 8. Хельга

Лёня проснулся, лёжа лицом вниз на своём диване. Тень огромной птицы кружила по полу. Он перевёл взгляд на одинокую лампочку в люстре. Нет, не птица, а простой мотылёк летал в свете тусклого огонька.

«Какой же невероятный сон я видел. Реалистичный. Вплоть до малейших деталей. Так, надо вспоминать, что же было накануне. Сергей и Володя привели меня домой. Это уже хорошо», – Лёня лежал в своей постели и, как мог, напрягал память. Его мучила жажда. Он перевернулся на спину. Двигаться не было ни сил, ни желания.

В квартире находился, ещё кто-то. Боковым зрением удалось увидеть, как чья-то тень промелькнула вдоль стены. Он повернул голову и, невероятными усилиями сконцентрировав внимание, узрел девушку.

Очень симпатичная, неброско, но со вкусом одетая, она молча стояла возле его картины «Спартак и умирающий Крик» и задумчиво рассматривала её. Потом перевела взгляд на лежащего и с интересом посмотрела на него, видимо, не веря, что этот человек, страдающий с похмелья, мог быть художником.

Заметив недоуменный взор Леонида, незнакомка встрепенулась от задумчивости и отвела взор. Она была восхитительна. Стройная, с гордой осанкой и длинной шеей. Светлые волосы сияющими каскадами спадали на её хрупкие плечи. Глаза как две чёрные жемчужины и чуть вздёрнутый носик дополняли изумительный портрет. Просто это было всего лишь видение, или мираж? Она словно сошла с картины из-под пера великого художника, мастерство которого было невозможно превзойти.

– Вот бы нарисовать её портрет, – подумал Лёня, и тяжело вздохнул. Это было нереально. Его больная голова пуста, а руки слабы как никогда.

Откуда появилась сия очаровательная незнакомка? Память зияла огромным пробелом. Возможно, что она пришла вместе с Серёгой и Вовкой. Лёня изо всех сил пытался восстановить события, но никак не мог вспомнить, была ли в их компании девушка. Да и что ей делать среди таких выпивох? Может, это сестра Владимира? Он говорил давеча о сестре. Или, возможно, где-то познакомились, просто память подводит. Ну да! Они же с детской площадки хотели зайти в клуб-ресторан, где у балагура Володи было всегда много знакомых девушек, так легко он мог находить общий язык с противоположным полом. Своими шутками и байками Владимир привлекал внимание любых красоток. Наверно, так было и в этот раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.